

ГЛАВА IV.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОРЕГИОНАЛИСТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ)

§ 1. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского (1903–1948) и возобновление краевой археологии в послевоенную пору

*«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили: куда?»*

*А.С. Пушкин.
Сказка о царе Салтане.*

*«— Одно я понял, — сказал Харальд Ормссон, —
человек должен иметь много серебра, чтобы ехать искать
золото».*

*Ф.Т. Бенгстон.
Длинные лядви.*

*Деснинская экспедиция 1946–1948 годов и её переход на курские
памятники.*

Хотя археологов РСФСР было репрессировано, по всей видимости, побольше, чем их коллег в других союзных республиках, но это в абсолютном исчислении. Московский и ленинградский центры археологии жестоко пострадали от арестов и проработок, но избежавших репрессий учёных там оставалось вполне достаточно для продолжения раскопок. Хуже пришлось археологам Украины и Белоруссии. Тех выкосили буквально под корень — на фоне борьбы советской власти с идеями и призраками национализма. «После 1937 года белорусская археология не могла возродиться на протяжении четверти века»¹. Причём «к обвинениям в национализме добавлялись и такие обвинения, как подготовка диверсионных актов. Так, украинские археологи, изучавшие памятники, обречённые на затопление при строительстве Днепрогэса в 1927–1932 годах, обвинялись в подготовке взрыва электростанции»². Столь же агрессивно чекисты

¹ Конференция «Время, памятники, люди: памяти репрессированных археологов». Минск. Октябрь 1993 г. // Археологический бюллетень. М., 1993. № 3. С. 6.

² Формозов А.А. Археология и идеология (20–30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 75.

атаковали представителей других гуманитарных наук — истории, этнографии, лингвистики, литературоведения, фольклористики, геральдики, нумизматики, оружиеведения, следующих специальных дисциплин, а ведь без взаимодействия со смежниками при познании прошлого не могут работать и археологи.

После отмеченной волны террора (1932–1933 годах) в отношении украинской интеллигенции, археологию в Киеве, на базе Украинской Академии наук пришлось возглавить ленинградцу *Лазарю Моисеевичу Славину* (1906–1971). Ученик Б.Ф. Фармаковского, он с 1936 года принял у того эстафету раскопок Ольвии. Ставши с 1938 года старшим научным сотрудником, а в 1944–1946 годах директором Института археологии АН УССР и специализируясь на скифо-античной эпохе, он приглашал для других раскопок специалистов из Москвы и Ленинграда, где их было и оставалось побольше. В числе других его приглашение принял москвич *Михаил Вацлавович Воеводский* (1903–1948) — *замечательный исследователь и организатор науки*. Как и его учитель (опять-таки репрессированный) Борис Сергеевич Жуков (1892–1938), он, имея чёткий фокус своих научных интересов — каменный век, был вместе с тем прекрасно подготовлен к изучению всех остальных периодов древней истории нашей страны.

Получив своего рода *carte blanche* от Славина, Воеводский сосредоточил свои экспедиционные усилия в Подесенье, как видно, в связи с заведомо богатыми палеолитическими перспективами этого региона. Представляясь впоследствии курским коллегам-музейщикам, М.В. объяснял (для пущей важности), что его «экспедиция была организована в 1936 году ИИМК и Институтом геологии АН СССР, Институтом археологии АН УССР, Государственным музеем антропологии, при участии Черниговского и Орловского областного музеев для археологического изучения реки Десны и её притоков. В течение 4 лет коллективом экспедиции было открыто и частью обследовано 13 палеолитических стоянок, много десятков поселений эпохи неолита и бронзы, городищ разного времени, славянских селищ и курганных могильников. Проведены разведки берегов реки Десны от города

См. также: *Миллер М.А.* Археология в СССР. Мюнхен, 1954 (Текст выложен в Интернете); Репрессированная этнография. Вып. 1–2 / Сост. *Д.Д. Тумаркин*. 2-е изд. М., 2002–2003; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политических репрессий в советский период (1917–1991) / Подг. *Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокин*. СПб., 2003; *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002; *Литвин Я.Л.* Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994; *Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4–5; *Слёзкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 годы // Этнографическое обозрение. 1993. № 2; Возвращённые имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992; *Чубур А.А.* Археология брянской земли и политические репрессии коммунистического режима // Боль и память. Материалы краеведческих чтений 28 февраля 2006 года. Брянск, 2006 (Есть интернет-версия).

Брянска до Новгород-Северска и на большей части севера Черниговской области. Собранные коллекции после их обработки распределяются между музеями — участниками экспедиции. С 1940 года работы в значительной части переносятся в бассейн реки Сейма»³. Точнее, конечно, было бы сказать, что именно сам Воеводский организовал все эти заинтересованные в открытиях учреждения науки и культуры, объединил их не такие уж щедрые ресурсы в продуктивную коллаборацию с названием «Деснинская экспедиция».

*Михаил Вацлавович Воеводский.
Фото из семейного архива А.Е. Алиховой-Воеводской⁴.*

³ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 15.

⁴ После кончины Анны Епифановны Алиховой (1903–1989) её семейный архив чуть было не сгинул — учреждения, где она прослужила всю жизнь, не торопились принять груды бумаг после звонков к ним прямых наследников. Случайно узнав об этом, я принял эти бумаги от соседей и, разобрав письма и фотографии, передал их в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Там бумаги проходят положенную обработку и скоро будут описаны и доступны исследователям. Благодарю старших научных сотрудников Ирину Валентиновну Белозёрову (ОПИ ГИМ) и Сергея

Ко времени сосредоточения на Деснинщине, в научном активе Воеводского уже находилось специальное рассмотрение среднеазиатских (М.В. вырос в Самарканде) и киргизских древностей, а кроме того, многих памятников палеолита, мезолита и неолита лесной зоны европейской части СССР; лесостепных культур эпохи раннего железа. Все его труды выгодно отличались интересом и опытом в области методики полевых и камеральных исследований (прежде всего, относительно технологии изготовления керамики в древности). Деснинская же экспедиция под его руководством выступила с новаторским почином *комплексного изучения памятников разных эпох — от палеолита до русского Средневековья — в определённом историко-географическом регионе*. До тех пор ничего подобного практика отечественной археологии не знала. Но и с тех, и до сих пор археологические работы такого масштаба и подобной системности проводятся скорее как исключение из общего экспедиционного правила — достаточно спорадического и асинхронного, в соответствии с узковатыми тематическими интересами отдельных специалистов и их чаще всего ограниченными материально-финансовыми возможностями. Деснинская же экспедиция на практике полевых и кабинетных исследований предвосхитила концепцию историко-культурного микрорегиона, получившую большую популярность только сравнительно недавно. Кроме того, комплексная локализация разведок и раскопок позволяла поставить очень сложный вопрос о культурно-исторической преемственности — от первых (каменных и металлических) эпох истории человечества к русскому Средневековью на Восточно-Европейской равнине ⁵.

Не в пример иным своим предшественникам, современникам и последователям в археологии, М.В. щедро делился неопубликованными материалами собственных разведок и раскопок, идеями и методиками со своими коллегами, как старшими, так и младшими. Все знавшие его учёные единогласно отмечают, что интересы общего дела находились у этого человека на первом плане. «Авторство и приоритет, поскольку речь шла о коллективе советских учёных, всегда имели для него подчинённое и скорее техническое значение» ⁶.

Будучи штатным научным сотрудником Музея и Института антропологии и доцентом кафедры археологии МГУ, он с 1933 года сотрудничал ещё и с Государственной Академией истории материальной культуры (затем ИИМК, теперь Институт археологии РАН) ⁷. В запросах

Владимировича Кузьминых (Институт археологии РАН) за содействие в этой архивной операции.

⁵ См.: *Формозов А.А.* Археолог о первобытном обществе...

⁶ [*Формозов А.А.*] Некролог М.В. Воеводского // Советская этнография. 1949. № 1. С. 209.

⁷ См. подробнее о личности и научном наследии М.В. Воеводского: *Формозов А.А.* Введение; Михаил Вацлавович Воеводский // Антология советской археологии. Т. II.

провинциальным музеям М.В. для пушей важности подписывался профессором, каковым, по сути дела и был в ту пору, когда ряды археологов и этнографов чекисты заметно проредили.

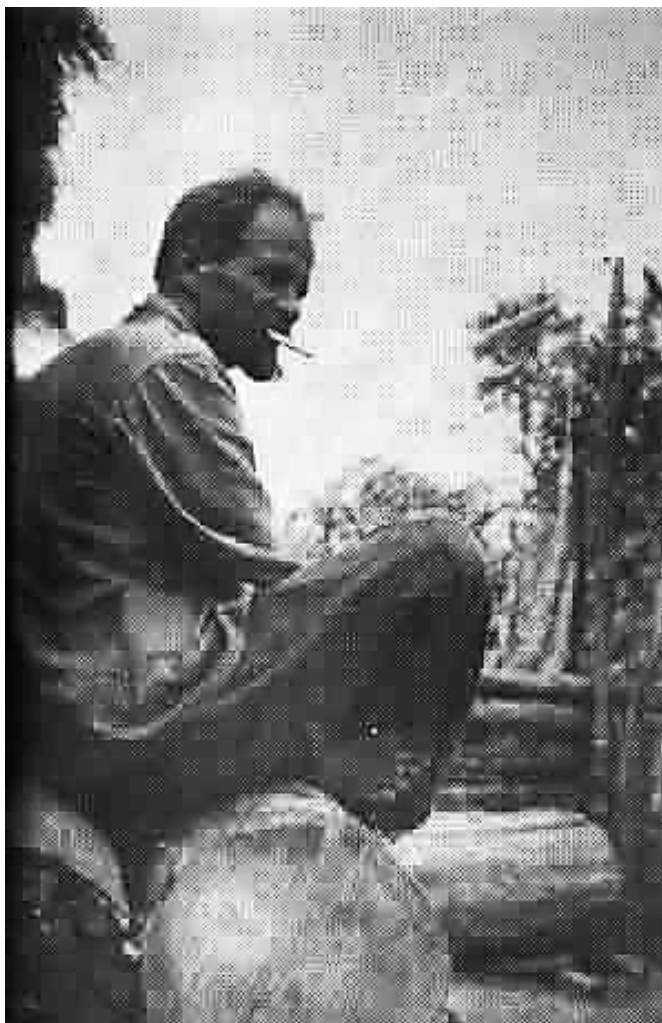
*«Генерал и его армия». М.В. Воеводский (справа от зрителя)
и его наёмные землекопы из местного колхоза. 1940-е годы.
Рабочий момент в Деснинской экспедиции.*

Раскопки М.В. Воеводского в 1936–1940 и 1945–1948 годах в Подесенье — главное, пожалуй, достижение этого археолога. Первоначально Деснинской экспедицией под его руководством были изучены весьма выразительные памятники каменного века — Пушкари, Чулатово, Песочный

(1930-е годы). М., 1995. С. 7, 227; *Кызласов Л.Р.* Портреты учителей — создателей советской археологии // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1997. № 4. С. 13–15.

Есть ещё книжка: *Чубур А.А.* Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (К 100-летию со дня рождения). Брянск, 2003. 44 с. Автор повторяет известные факты научной биографии учёного и добавляет к ним несколько любопытных подробностей его личной жизни и редких фотографий.

Ров, некоторые другие ⁸. Удача окрылила начальника экспедиции и потянула под его начала талантливую молодёжь и увлечённых краеведов на местах.

*М.В. Воеводский «в поле».
Из семейного архива А.Е. Алиховой.*

Очередную удачу принесла рискованная поначалу идея учёного передвинуть работы его комплексной экспедиции с Украины в Курское Посеймье. Ведь малороссийский палеолит был открыт задолго до революции и с тех пор там успешно раскапывался, а в бассейне Сейма разведанных стоянок эпохи камня тогда ещё не было известно, несмотря на неоднократные поиски русских, украинских и белорусских специалистов. Первый запрос Воеводского директору Курского краеведческого музея датирован 20 января 1940 года. В нём предполагается «провести, кроме археологической разведки по Сейму, небольшие раскопки на

⁸ О памятниках района Пушкири – Чулатово см.: *Береговая Н.А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. № 81. М.–Л., 1960. С. 23–24, 138–145; *Мельниковская О.Н.* Памятники палеолита Новгород-Северского района (Материалы к археологической карте бассейна р. Десны) // КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 185–192.

палеолитической стоянке "Сучкино" [ныне село Октябрьское Рыльского района, где в 1930 было зафиксировано, а затем в 1980-х годах изучалось весьма перспективное местонахождение палеолита — С.Щ.], ... поездка с целью предварительного обследования и описания феодальных центров XI–XIII веков»⁹. «Геолого-археологическое» обследования берегов Сейма «деснинцы» рассчитывали начать от районного городка Льгова и продолжить до посёлка Алексеевки на границе с Сумской областью. На участке от Курска до Рыльска М.В. намеревался описывать остатки и снимать планы «славянских феодальных городищ и могильников». А кроме того, продолжать раскопки Гочевского городища¹⁰, известного читателю по предыдущей главе книжки.

Однако война отодвинула все эти планы. Только в 1946 году небольшой коллектив М.В. Воеводского начал раскопки под Курском на открытой в июне 1941 года В.И. Самсоновым и оказавшейся очень богатой находками типа Костёнок–I палеолитической стоянке у села Авдеева. Об этих раскопках я уже упоминал выше, в разделе о В.И. Самсонове.

*Обед в Деснинской экспедиции на раскопках палеолитического Авдеева.
В центре лицом к зрителям — М.В. Воеводский и А.Е. Алихова-Воеводская;
в ковбойке и кепке справа сидит А.А. Формозов.
Из семейного архива А.Е. Алиховой.*

Параллельно с разведками, затем раскопками Авдеева, группа Воеводского обследовала окрестные памятники более поздних эпох, прежде

⁹ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 15–15 об.

всего археологический комплекс в соседнем селении Липине — городище (многослойное, со скифскими, роменскими и древнерусскими напластованиями), прилегающие к нему открытое поселение, курганный и бескурганный могильники.

М.В. Воеводский во втором ряду слева второй, с трубкой и в тубетейке.

К финансированию авдеевских раскопок в нелёгкое для страны послевоенное время Воеводский сумел привлечь — что называется, с миру по нитке — средства ИИМК, Антропологического музея МГУ, Курского музея, Института археологии АН УССР.

Ещё важнее для истории советской археологии, и столичной, и провинциальной, отметить редкую способность, сполна проявленную этим учёным, — отобрать и сплотить в работоспособный коллектив исследователей разного возраста, опыта и профиля научных интересов, места жительства и постоянной работы. В трудные послевоенные времена дореволюционная традиция археологов нанимать местных крестьян в землекопы осталась в далёком прошлом (в колхозах рабочие руки были постоянно заняты), а позднейшая практика участия в экспедициях целой кучи добровольцев из числа студентов, аспирантов, просто горожан разных специальностей, молодых и не очень, ещё не сложилась. Иногда удавалось привлекать местных школьников и кое-кого из их учителей.

Через Деснинскую экспедицию с бесспорной пользой для своих научных судеб прошли многие видные уже тогда или впоследствии

археологи (в условном алфавитном порядке, с краткими справками о тех, кому не уделяется отдельное место в этой книжке):

- *Анна Епифановна Алихова (Воеводская) (1903–1989);*
- *Н.П. Амбургер (Киев) ¹¹;*

*Деснинская экспедиция. В центре — студент А.А. Формозов,
справа от него М.Д. Гвоздовер, слева — рабочая (?).
Из семейного архива А.Е. Алиховой.*

• опытный геолог *Алексей Всеволодович Арсентьев* (1879 – после 1949) — тогда заведующий отделом природы Брянского краеведческого музея, а вообще-то выпускник горного отделения Томского технологического института (1908), ученик В.А. Обручева; опытный геолог-поисковик (уголь, нефть, золото и платина в Забайкалье) и преподаватель геологии, профессор (Дальневосточный университет, Московская Горная академия) ¹²; в провинцию его привело то же, что и многих других высококвалифицированных интеллигентов — ГУЛАГ (арестован в 1939, оправдан по суду в 1940);

¹¹ См.: *Амбургер Н.П.* Новые данные о памятниках эпохи неолита и бронзы на Сейме // *Археологические памятники Украинской советской социалистической республики.* 1956. № 6. С. 197–200; *Білановська Т.Д., Амбургер Н.П.* Пізньюотрипільське поселення біля с. Бортничі [поблизу Києва] // Там же. С. 115–117.

¹² См.: *Арсентьев А.В.* Поиски и разведки золота и платины. М.–Л., 1932. 175 с.; *Его же.* Ископаемые богатства Брянской области / Под ред. *С.А. Ковригина.* Брянск, 1949. 55 с.

• *Любовь Венедиктовна Артишевская* (1918–1998) — выпускница истфака МГУ по кафедре археологии (1946); участница Отечественной войны; младший научный сотрудник ИИМК; впоследствии вела самостоятельные раскопки разного типа памятников междуречья Десны и Днепра;

• *Марианна Давыдовна Гвоздовер*;

• *Михаил Никанорович Кислов* (1903–1983) — в будущем многолетний заведующий камеральной лабораторией кафедры археологии МГУ;

• *Ирина Гавриловна Лейкина (Розенфельдт)* (1923–1991) — выпускница истфака МГУ (1946), затем сотрудница ИИМК; впоследствии — одна из ведущих специалистов по дьяковской культуре раннего железного века; кандидат исторических наук;

• *Ольга Николаевна Мельниковская*;

• *Ростислав Леонидович Розенфельдт* (1922–1989) — участник Отечественной войны (1942–1945); выпускник истфака МГУ по кафедре археологии (1947); научный сотрудник ИИМК; видный специалист по славяно-русской археологии и раннему железному веку лесной зоны Восточной Европы;

• *Пётр Сергеевич Ткачевский* (1880–1966) — профессиональный художник (Строгановское художественно-промышленное училище, 1907) и археолог (Московский Археологический институт, 1909), музейный работник из Орла, где с 1909 года неоднократно вёл раскопки курганов и городищ; учитель рисования в орловских гимназиях (1909–1918); в 1920-е годы возглавлял музейный подотдел губернского управления народного образования и комиссию по охране памятников искусства и старины; создатель местных музеев в Орле, Ливнах, Новосиле, Карачеве, Волхове, Мценске; возглавил историко-художественный музей (1919) и общество краеведения в Орле (1925); после увольнения из созданного им Орловского музея работал в Москве, в Высшем совете народного хозяйства научным сотрудником; осуждён по «Делу краеведов ЦЧО»; после трёх лет ссылки в Архангельск обосновался в Курске (1934), перед войной и во время оккупации — сотрудник краеведческого музея; участвовал в послевоенных раскопках на территории Курской области¹³;

• студент истфака МГУ *Александр Александрович Формозов* (Москва), в будущем известный археолог и историк науки;

• *Пётр Николаевич Черменский*.

Кроме них, сотрудники Музея антропологии при МГУ —

• *М.А. Булатова*;

• *А.Я. Гриневич*;

• *Н.И. Ильенко* — талантливый реставратор Института антропологии МГУ, она спасала уникальные скульптуры и другие изделия из кости

¹³ См.: *Ткачевский П.С., Лебедев И.И.* Город Орёл. Материалы по изучению Орловского края. Вып. 1. Орёл, 1927.

См. о нём: *Поляков Г.П.* Обычный низовой историк... (П.С. Ткачевский — репрессированный директор Орловского губернского музея) // Интернет.

Авдеева, которые погибли бы после извлечения из земли без специальной консервации;

а также *студенты-практиканты* исторического и биологического факультетов МГУ и Курского пединститута, *сотрудники Курского краеведческого музея* во главе с *В.И. Самсоновым*, первооткрывателем Авдеевской стоянки.

М.В. Воеводский (слева) в полевой камералке.

Геологи, которые занимались почвенной стратиграфией Авдеевской стоянки:

- *Михаил Николаевич Грищенко* (1903–1975), к тому времени профессор Воронежского государственного университета; уже имевший опыт изучения условий залегания остатков донского палеолита; вскорости доктор геолого-минералогических наук (1950) ¹⁴;

и также его коллеги:

- *Александр Иванович Москвитин* (1898–1982) — кандидат геолого-минералогических наук (1937), старший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР;

¹⁴ См.: *Грищенко М.Н.* Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976.

• и студент географического факультета МГУ *Андрей Алексеевич Величко* (1931–2015); в будущем — доктор географических наук, создатель и руководитель лаборатории эволюционной географии Института географии РАН ¹⁵.

Большинство упомянутых сотрудников Деснинской экспедиции и в дальнейшем периодически обращались к изучению южнорусских, в том числе курских древностей.

Рабочий момент на раскопках Авдеевской стоянки.

*Справа налево от зрителя: М.В. Воеводский, А.А. Формозов, Ю.А. Липкин,
М.Д. Гвоздовер. Из семейного архива А.Е. Алиховой.*

Переход из одной культурно-исторической провинции в другую, хотя и близкую по археологическому профилю, оказался для Воеводского, его коллег и учеников, весьма напряжённым, моментами прямо драматическим. Первое «посещение памятника поставило М.В. в тупик, — вспоминает участник Деснинской экспедиции А.А. Формозов. — Он привык к Десне, где

¹⁵ См. о нём: *Васильев С.А.* Эволюционная география палеолита: памяти Андрея Алексеевича Величко // *Археологические вести*. Т. XXII. СПб., 2016. С. 246–252.

палеолит залегает высоко на чётко выраженных террасах. Здесь всё у самой воды, чуть не в пойме... Создалось впечатление, что материал переотложен; значит, можно копать просто на выборку материала. Это было ошибкой, осознанной М.В.»¹⁶ вовремя — когда раскопки обнаружили конструкции из бивней и позвонков мамонта в материке. Чуждость авдеевской стратиграфии для московских исследователей осложнялась тем, что культурный слой стоянки нарушался ещё и природными процессами (мерзлотой, водой, ветром, грызунами). Хотя некоторая часть информации о стоянке оказалась по отмеченным — субъективным и объективным причинам упущена, картина памятника в целом Воеводским не была нарушена, а подход к его долголетнему комплексному изучению был им открыт¹⁷.

Одновременно с раскопками стоянки каменного века в Авдееве велись рекогносцировки вокруг села. А.А. Формозов обнаружил следы палеолита

¹⁶ Формозов А.А. — Щавелёву С.П. 16 июля 1992 года // Архив автора.

¹⁷ Начало раскопок Авдеевской стоянки отражено в следующих публикациях: Воеводский М.В. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 года // КСИИМК. Вып. XX. М.–Л., 1948. С. 36–44; *Его же*. Короткий звіт Деснянської експедиції про результати вивчення пам'яток кам'яної доби в 1945–1946 років // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. II. Киев, 1949. С. 277–283; *Его же*. Новая палеолитическая стоянка на реке Сейме // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 14. М.–Л., 1949. С. 132–137; *Его же*. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV. М.–Л., 1949; *Его же*. Памятники каменного века на Десне // КСИИМК. Вып. XXVI. М.–Л., 1949. С. 22–26; *Его же и Алиховой-Воеводской А.Е.* Авдеевская палеолитическая стоянка (По материалам раскопок 1948 года) // Там же. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 77–101; Грищенко М.Н. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костёнки-I (Полякова) на Дону // Бюллетень комиссии... № 18. М., 1953. С. 87–89; Гвоздовер М.Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 12–27; *Её же*. Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска // Учёные записки МГУ. Вып. 158. Труды Института антропологии. М., 1952. С. 207–210; *Её же*. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. № 39. Палеолит и неолит СССР. [Т. II.] М.–Л., 1953. С. 192–226; *Её же*. Специфические черты кремнёвого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК. Вып. 82. М., 1961; *Её же*. Новые изображения человека из Авдеевской верхнепалеолитической стоянки и их место среди статуэток костёнковской культуры // Вопросы антропологии. Вып. 57. М., 1977; *Её же*. О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 49. М., 1979; *Её же*. Новые находки из Авдеева // Вопросы антропологии. Вып. 71. М., 1983; *Её же*. Орнамент на поделках костёнковской культуры // Советская археология. 1985. № 1; Москвитин А.И. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 28–33; Борисковский П.И. Позднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины и проблемы их исторического освещения // Материалы по четвертичному периоду. Вып. 2. М.–Л., 1950. С. 107–117; Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е. Киев, 1953.

Малоудачную попытку реконструкции жилого комплекса «старого» Авдеева см. в работе ученика В.А. Городцова Д.А. Крайнова: Жилища Тимоновской палеолитической стоянки (По материалам раскопок В.А. Городцова) // Советская археология. Вып. XXV. 1956. С. 27–28, 30–32.

(кости мамонта и каменные орудия) между Авдеевым и селом Сорокиным¹⁸. А.Е. Алихова (Воеводская) собирала подъемный материал на дюнах по Сейму. Ей попадались вещи и, соответственно, памятники разных эпох — неолита, бронзы, раннего железа, славян и средневековой Руси¹⁹.

*А.А. Формозов в Деснинской экспедиции.
Архив автора.*

В 1947 году отряд всё той же экспедиции приступил к раскопкам соседнего Липинского городища и могильников (бескурганного и курганного) возле него²⁰. Эти работы продолжались в 1948–1949 годах. Ими

¹⁸ См.: *Береговая Н.А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. № 81. М.–Л., 1960. С. 62.

¹⁹ Начало работ — 1946 года в Авдееве, а 1947 года в Липине отражено в статье М.В. Воеводского: *Городища Верхней Десны* // КСИИМК. Вып. XXIV. М.–Л., 1949. С. 118; также см.: *Смирнов А.П.* Археологические исследования в РСФСР в 1946 году // КСИИМК. Вып. XXIII. М.–Л., 1948. С. 111; *Мерперт Н.Я.* Археологические исследования в РСФСР за 1948 год // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.–Л., 1950. С. 171.

²⁰ *Засурцев П.И., Лисицына Н.Н.* Липинское городище // *Славяне и Русь*. М., 1968.

руководил научный сотрудник переведённого в Москву ИИМК АН СССР *Пётр Иванович Засурцев*, а помогали ему Р.Л. Розенфельдт, А.А. Формозов, Н.К. Лисицына и другие «деснинцы», ветераны и новички курской экспедиции. Включая курян — представителей краеведческого музея. Среди них — главный после Отечественной войны энтузиаст археологического краеведения в Курске — Ю.А. Липкинг (о котором много говорится в этой книжке).

*Авдеево-1. Слева направо от зрителя:
М.В. Воеводский, Л.Б. Артишевская, П.С. Шкачевский (?).
Архив автора.*

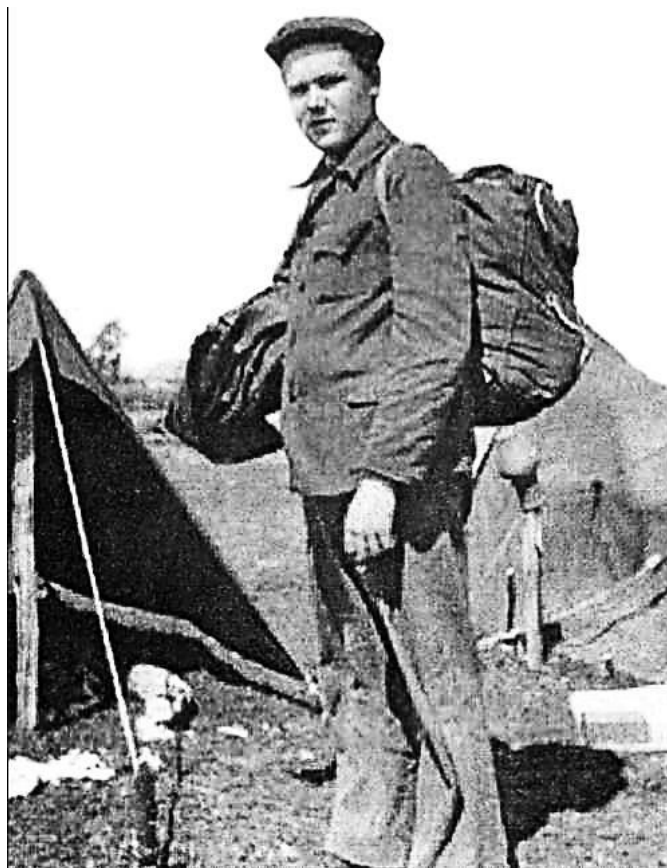
В 1949 году А.Е. Алихова пытается выявить сравнительно поздние — с эпохи бронзы и до славянских — уровни археологического Авдеева. Хотя в её распоряжении была «очень ограниченная сумма и мало времени»²¹.

Ещё кое-кто из «деснинцев» и «авдеевцев» тоже продолжил археологические работы в Курском Посеймье, так что именно *М.В. Воеводский* и его команда основали профессиональную археологию в

²¹ *Алихова А.Е.* Отчёт о раскопках Авдеевского селища Курской области, Ленинского района и о разведке, произведённой в окружающем его районе, 1949 года // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 349. Л. 1.

Некрологи: Памяти Анны Епифановны Алиховой // Советская археология. 1990. № 4; *Воронина Р.Ф.* Анне Епифановне Алиховой — 100 лет // Российская археология. 2003. № 3.

этом регионе — через полвека после раскопок Д.Я. Самоквасова и его помощников-курян на Псле.

Деснинская экспедиция. 1947 год.

*Студент второго курса истфака МГУ А.А. Формозов перед разведочным маршрутом.
Архив автора.*

Единственный перед Отечественной войной курский житель с опытом раскопок — *Пётр Николаевич Черменский* (1884–1973), оставшийся за директора краеведческого музея в период немецкой оккупации, почти сразу после её окончания продолжил археологические экскурсии вокруг Курска и в 1946–1947 годах сумел обнаружить несколько новых памятников. В том числе, «на реке Тускари ... исследовал стоянки эпохи позднего неолита»²² и собрал коллекцию вещей других археологических эпох. Об этих местонахождениях в районе Кировского моста ему сообщил коллега по педагогическому институту Юрий Александрович Липкинг, а суворовское училище, где последний тоже преподавал, выделило в помощь археологам своих воспитанников. В группу вошёл и уже знакомый читателю В.И. Самсонов. Раскоп ими был заложен маленький — всего 20 квадратов, но их раскопали послойно. «Обилие осколков [кремнёвых и кварцитовых]

²² *Смирнов А.П.* Археологические исследования в РСФСР в 1946 году // КСИИМК. Вып. XXIII. М.–Л., 1948. С. 111.

орудий заставляет предположить наличие мастерской каменных орудий»²³.
Материалы эпохи камня, бронзы, Средневековья отсюда сдали в краеведческий музей.

Гимназист Пётр Черменский.

Фото с сайта lebedyan.com (Информационно-краеведческий портал города Лебедянь).

А в Стрелецкой слободе, на кладбище «между старицей [реки] Тускари и обширным болотом» Черменский зачистил очаги из обожжённой глины и собрал фрагменты горшков и сковородок, очевидно, роменского времени. Об этом незаурядном деятеле на краеведческом поприще я бегло упоминал в связи с «Делом краеведов ЦЧО», теперь стоит сказать несколько подробнее. Фамилия происходит от места рождения — село Черное Тёмниковского уезда Тамбовской губернии. Из семьи потомственных священников. Образование начал получать в церковных учебных заведениях — Шацком духовном училище, затем Тамбовской духовной семинарии. После того как

²³ Черменский П.Н. Отчёт об археологических исследованиях в окрестностях города Курска в 1946 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 73. Л. 3.

его коллеги-бурсаки забунтовали против начальства, Черменский бросил духовное образование и закончил Борисоглебскую гимназию с золотой медалью, а затем историческое отделение Петербургского историко-филологического института (1909).

*Магистрант Пётр Николаевич Черменский
с супругой Ольгой Ивановной (в девичестве Севериновой).*

Фото с сайта lebedyan.com (Информационно-краеведческий портал города Лебедянь).

Был оставлен при alma mater преподавателем латыни и истории, а также для подготовки магистерской диссертации (по тогдашней терминологии магистрантом). Вольнослушателем посещал лекции в Санкт-Петербургском университете, а выезжая на каникулах за границу — в Берлинском и Магдебургском. В страшные и голодные годы революции спасался на родной Тамбовщине — сначала организовал музей в уездной Лебядяни (1919), а затем возглавил музей в губернском Тамбове (1920). Краеведческие успехи выдвинули Петра Николаевича повыше — в Облплан Центрально-Чернозёмной области, где он заведовал отделом изучения производительных сил всего этого мегарегиона (1928–1931). Пока не попал в мясорубку ГПУ под названием «Дело краеведов ЦЧО» (описанное в предыдущей главе). Черменский успел стать членом не только регионального, но и Центрального бюро краеведения. Стройка Беломорканала спасла его от смертоносной Колымы, а ударная работа сэкономила 2 года из определённых за колючей проволокой 10. Даже в лагерном заключении умудрялся вести археологические изыскания (что

видно по списку его публикаций). Путь «искупившего вину» «врага народа» привёл его в Курск, где он устроился, конечно, в областной краеведческий музей (1941–1946), а параллельно — преподавателем истории СССР в педагогическом институте.

Пётр Черменский — студент.

Фото с сайта lebedyan.com (Информационно-краеведческий портал города Лебедянь).

К концу войны им была подготовлена к защите и апробирована в Московском историко-архивном институте кандидатская диссертация на тему: «Очерки по истории Мещеры и Рязанской Украины (Поченья) в XII–XIV веках» Его перу принадлежала также рукопись монографии «Города-крепости южной окраины Московского государства в XVII веке: Тамбов, Лебедянь, Курск» и ряд статей сходной тематики ²⁴. О возобновлённой в конце XVI века курской крепости Черменский собрал литературные и архивные данные, «произвёл измерения в натуре по длине расположения её бывших стен». На карту области им были положены важнейшие маршруты

²⁴ См.: Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамбовской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1909; *Его же*. Город Лебедянь и его уезд в XVII веке. К 300-летию города Лебедяни. СПб., 1913; *Его же*. Лицевой синодик XVII века Свято-Троицкого Лебедяньского монастыря // Записки Отдела русской славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. XI. Пг., 1915; *Его же*. Донские вотчины бояр Романовых // Известия Тамбовской ГУАК. Вып. 57. Тамбов, 1917; 1905 год. Хроника революционных событий в Тамбовской губернии. Тамбов, 1925; *Его же*. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Вып. 1. Тамбов, 1926; *Его же*. Город Тамбов в XVII веке как тип военно-сторожевой крепости // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1927. № 2; *Его же*. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Тамбов, 1928; *Его же*. Медвежья гора и Повенец 3000 лет назад // Под знаменем Беломорстроя. Вып. 1. 1934; *Его же*. Вычегские петроглифы // Там же. Вып. 3. 1935; *Его же*. Природные богатства Карелии // Там же. Вып. 5. 1936; *Его же*. Древнее поселение в Курске // Курская правда. 1947. 1 июня.

через Посеймье в позднем Средневековье: «Посольские дороги. Западные ветви Муравского шляха. Пахнутцова дорога, Бакаев шлях»²⁵, — гласит последний из архивированных отчётов о научной работе этого старшего преподавателя.

*Пётр Николаевич Черменский после 8 лет лагерей
на строительстве Беломоро-Балтийского канала.
1960-е годы. Фото из Лебедянского краеведческого музея.*

Беда для нашей науки и педагогики была в том, что такой подготовки и такой квалификации, как у Черменского и немногих его сверстников, потом, начиная примерно с 1960-х годов, уже не оказалось в российской провинции. Им на смену пришли малограмотные и нахрапистые в своём большинстве «краеведы» уже вполне советской выделки. Кое-кто из них и сейчас доживает свой краеведческий век, но в целом это поколение, слава богу, отошло в историографическую вечность, о чём ниже.

Коллеги по кафедрам истории СССР и всеобщей истории пединститута забраковали эти работы старого краеведа, поддавшись новой волне идеологических проработок и репрессий, поднявшейся в послевоенные годы. Черменский имел несчастье остаться в Курске при немцах и даже руководил музеем, где служил. Музей и при немцах работал, был открыт для посещения экскурсантами, экспонаты его не были конфискованы захватчиками. После освобождения города никто и не подумал поблагодарить Петра Николаевича за спасение музейных фондов, наоборот — версия «сотрудничества с оккупантами» висела над ним, уже судимым по «Делу краеведов», дамкловым мечом. Из-за отсутствия кадров нужной квалификации

²⁵ *Его же.* Моя научная работа в 1944 году // ГАКО. Ф. Р-3707. Оп. 1. Д. 12. Л. 5; *Его же.* Отчёт об археологических исследованиях в окрестностях города Курска в 1946 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. Р-1. Д. 73.

Черменского потерпели на посту директора пару лет, а затем, разумеется, уволили.

Фотокопия газетной заметки А. Ковырялова «Я полон замыслов...» с сайта lounb.ru Липецкой областной универсальной научной библиотеки.

Пожилой историк-краевед вынужден был уволиться из института и вернуться к учительству в средней школе. Вскоре он уехал из Курска на родину, в Тамбов. В 1950 – 1970-е годы им был опубликован целый ряд интересных исследований по исторической географии Подонья, истории Тамбовщины²⁶. Лишившись работы в Курске и заболев после перенесённых в лагере мучений, Черменский перебирается сначала в Ставрополь, в институт усовершенствования учителей, а к 1950 году навсегда возвращается в родную Лебедянь. Здесь подрабатывал преподавателем немецкого языка в

²⁶ *Его же.* Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины // Археографический ежегодник. 1959 год. М., 1960; *Его же.* Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961; *Его же.* Лебедянь. Тамбов, 1962; *Его же.* «Хождение» митрополита Пимена (XIV века) как источник по исторической географии Подонья // Известия АН СССР. Серия географическая. 1970. № 5.

педучилище, а после выхода на пенсию — в зоотехникуме. В 1956 году стал членом Всесоюзного Географического общества. Публиковался в основном заметками в районной газете «Красный Октябрь», но несколько статей и пару брошюр ему на старости лет выпустить удалось. Ещё больше краеведческих работ осталось в рукописях. Похоронен на Преображенском кладбище ставшей ему родной Лебедяни. Город не забыл его, в музее и на городском сайте собраны биографические материалы об этом «последнем из могикан» просвещённого краеведения в нашей стране. 12 октября 2009 года имя П.Н. Черменского было присвоено Лебедянскому краеведческому музею, 21 октября здесь открыта мемориальная доска его памяти ²⁷.

В лице *Петра Николаевича Черменского* перед нами один из последних во всем Черноземье по времени активной научно-исследовательской деятельности истинных, культурных краеведов. Как жаль, что в Курске ему не дали довести до конца и опубликовать источниковедчески добротные работы по истории этого города в Средние века и раннее Новое время.

А Михаил Вацлавович Воеводский скончался в 45 лет от рака пищевода сразу после своего последнего полевого сезона — 23 октября 1948 года. Это сезон он отработал целиком, как всегда энергично. Уход из жизни выдающегося учёного в самом расцвете сил, стоящего на пороге нового этапа своих замечательных открытий, окружённого талантливой научной молодежью, выглядел предельно нелепым. Эта кончина произвела особенно гнетущее впечатление на его московских коллег. Светлой памяти Михаила Вацлавовича посвящено едва ли не рекордное число печатных изданий. Это два сборника научных трудов — «Краткие сообщения ИИМК» ²⁸ и «Учёные записки МГУ» ²⁹ по материалам Деснинской экспедиции, а кроме того — историко-археологическая повесть Ю.А. Липкинга «Кудеяров стан» (М., 1954); наконец, составленные А.А. Чубуром и его соавторами из курского и курчатовского музеев научно-популярные очерки «Каменный век» (1999) — I том рассчитанной на 20 выпусков книжной серии «Курский край».

Очень редко, тем более в советский период, почившие в бозе историки и археологи, даже куда более титулованные, удостоивались столь тёплой оценки, долгой и благодарной памяти, широкого признания от своих коллег по академическому цеху ³⁰.

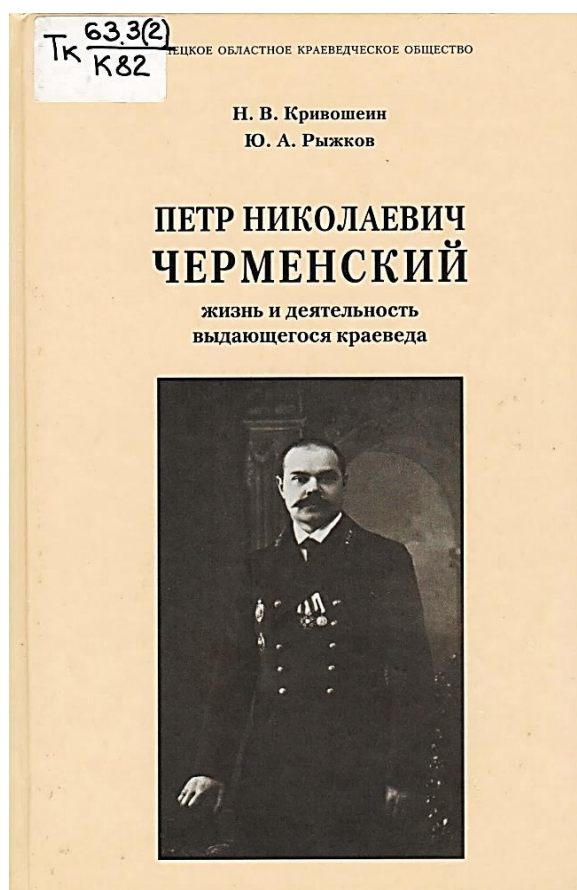
²⁷ См.: *Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А.* Пётр Николаевич Черменский. Жизнь выдающегося краеведа. Липецк, 2005. 2-е изд. М., Древлехранилище, 2011. Книга сглаживает острые углы биографии историка.

Кузнецова Л.А. Пётр Николаевич Черменский: судьба сына священнослужителя // Сайт Курской епархии. Режим доступа: http://www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniay/2013/pdf/ksxs/11_Кузнецова%20Л.А..pdf. – 26.11.2016.

²⁸ КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950.

²⁹ Ископаемый человек и его культура на территории СССР // Учёные записки МГУ. Вып. 158. Труды Института антропологии. М., 1952.

³⁰ Некрологи М.В. Воеводского см.: КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949. С. 103–105 (М.Е. Фосс); Советская этнография. 1949. № 1. С. 208–210 (*Г.Ф. Дебец*); здесь же

Репродукция с сайта Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Археологические исследования в Курском Посеймье с кончиной М.В. Воеводского не прервались, их продолжили ученики и коллеги этого замечательного учёного. Такая преемственность служит лучшим показателем высокого уровня его исследовательской и организаторской деятельности.

Начатый в 1946–1948 годах под руководством Михаила Вацлавовича *первый раскоп Авдеева* (так называемое «Авдеево старое») был закончен в 1949 году под руководством *Александра Николаевича Рогачёва* (1912–1984) из Ленинграда ³¹. Этот — начальный этап работы на интереснейшем памятнике выявил почти такой же жилой комплекс людей каменного века (овальной формы, общей площадью около 800 квадратных метров, с

перечислены рукописи, сданные М.В. в печать перед кончиной: С. 210–211; Советская археология. Т. XII. 1950. С. 213–215 (С.Н. Замятнин).

Список работ М.В. Воеводского, составленный А.А. Формозовым, см. в кн.: Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 15. 1950. С. 98–99; КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 5–6; Учёные записки МГУ. Вып. 158. С. 7–8. См. также: *Громов В.И.* Работы М.В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода // Там же. С. 3–4.

³¹ См. о нём: *Платонова Н.И., Аникович М.В.* Александр Николаевич Рогачёв. Материалы. Воспоминания. Размышления // Археология. РУ. Открытая интернет-библиотека имени Н.Е. Ерёменко.

землянками и хозяйственными ямами по контуру), как и в Костёнках–I. И здесь была собрана богатая коллекция кремнёвых и костяных изделий — орудий, украшений, резных статуэток — женщин-«венер» (некоторые из них — с проработанными чертами лица, что являлось их неповторимым для европейских находок этого типа отличием), мамонтов; а также костей зверей и птиц, на которых охотились обитатели стоянки.

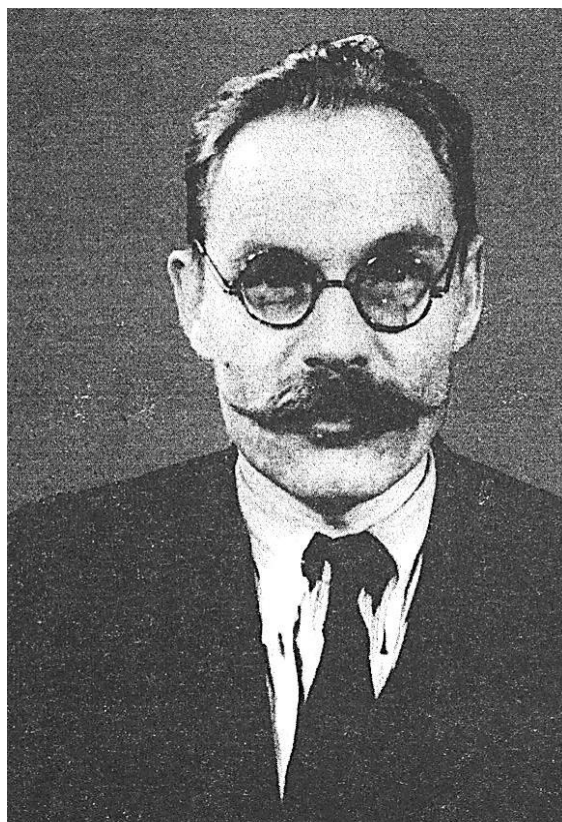

А.Н. Рогачёв (справа от зрителя) и М.М. Герасимов на раскопе в Костёнках-14 1954 г. Фото с сайта государственного археологического музея-заповедника «Костёнки».

По мнению Рогачёва, явное сходство многих материалов Авдеева и Костёнок, находящихся в 300 километрах друг от друга, объяснимо как «следы обитания одной и той же первобытной общины, обитавшей последовательно и на Дону, и на Сейме». Некоторые же различия — в планировке поселений, технике обработки камня и кости — он объяснял «сравнительно большим, в несколько поколений промежуток времени между основанием этих поселений». Менее вероятным считал одновременное проживание там и там «родственных общин или племён». Так что «эти памятники принадлежат родственным общинам или общинам, родственным генетически».

А.Н. Рогачёв постарался привлечь к изучению воронежских и курских стоянок позднего палеолита не только коллег-археологов с иными, чем у него самого, взглядами на эти памятники, но и геологов-четвертичников и палеогеографов. Этому комплексному подходу к первым памятникам

человеческой культуры на территории регионов принадлежало большое будущее — сегодня иначе их и нельзя изучать.

*А.Н. Рогачёв — ветеран великой войны и значительных раскопок.
Фото на сайте музея в Костёнках.*

Публикуя результаты своих раскопок Авдеева, А.Н. Рогачёв уважительно отозвался о труде своего предшественника на этом памятнике. Перечислив публикации и отчёты Воеводского по Авдееву, преемник так оценил своё отношение к ним: «Раскопки 1949 года завершили исследование Авдеевского палеолитического поселения. Они показали в новом свете результаты предшествовавших исследований и позволили понять памятник в целом. Таким образом, данная работа, обобщающая результаты раскопок Авдеевского поселения ... , является в известной мере отчётом и покойного М.В. Воеводского»³². Одобряется и «заботливое отношение сотрудников М.В. Воеводского — А.Е. Алиховой, М.Д. Гвоздовер и Н.И. Ильенко к его научному наследию».

Правда, по ходу изложения у Рогачёва проскальзывают раз-другой ноты недовольства методикой первоисследователя памятника. «По-видимому, тяжёлой болезнью М.В. Воеводского следует объяснить то обстоятельство, что дневник полевых работ лично сам он вёл только в начале

³² *Рогачёв А.Н.* Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у села Авдеева на реке Сейм в 1949 году // Палеолит и неолит СССР. Т. 2. М.–Л., 1953. С. 137 (МИА. № 39).

работ. Им подробно описаны лишь участки V и VI. Об остальных участках [VIII, IX, X, XI раскопа 1848 года — С.Щ.] имеются только краткие замечания. ... Это обстоятельство затрудняет более детальное описание многих ям и западин, вырытых в полу жилой площадки»³³. Свою же, «выработанную многолетним опытом костёнковских экспедиций» методику изучения культурного слоя палеолитической эпохи Рогачёв считал «более точной»; она, согласно его самооценке, «уменьшает возможность элементов случайности при раскопках остатков поселений и обеспечивает более полное понимание древних памятников»³⁴. Помимо сути дела, в которой он, вероятно, прав, в этом эпизоде археологических исследований слышатся отголоски застарелого соперничества учёных из старой и новой столиц.

Александр Николаевич Рогачёв вообще отличался удивительной среди кастовых археологов принципиальностью своих оценок работы коллег. Может быть, тому способствовала десятилетняя военная служба, включившая в себя Отечественную войну от звонка до звонка. Выжив там, где почти все вокруг тебя погибли, лучше понимаешь и цену научной истины. После полевого сезона 1955 года, который Рогачёв посвятил геологическим разведкам природных условий залегания палеолитических стоянок Курской и сопредельных областей³⁵, он завершает свой отчёт следующей тирадой: «Помимо того недостатка, что вокруг гнёзд палеолитических стоянок остаются неисследованными очень важные территории, имеются и другие серьёзные упущения и недоделки, которые превратились теперь в серьёзный тормоз успешного развития советской археологии в области изучения палеолита. Некоторые исследователи палеолита десятилетиями не вводят в науку исчерпывающих отчётов о проведённых ими работах, не считаются с интересами развития науки и не стремятся оправдать перед народом и государством десятки и сотни тысяч рублей, израсходованных на полевые и камеральные исследования многих первоклассных в научном отношении памятников.

Три десятка лет П.П. Ефименко не публикует материалы из раскопок Супоневской стоянки. Два десятка лет не публикует подробного отчёта о раскопках большого жилища из верхнего слоя Костёнок-1, полевые работы по изучению которого были завершены П.П. Ефименко в 1936 году. Нет отчётов об исследовании К.М. Поликарповичем стоянок на реке Судости Елисеевичской и Юдиновской, раскапывавшихся много лет назад. На ученике и ближайшем помощнике В.А. Городцова Д.А. Крайнове лежит теперь ответственность за публикацию отчёта о больших раскопках Тимоновской стоянки. На ученице и помощнице М.В. Воеводского М.Д. Гвоздовер лежит ответственность за издание всех материалов

³³ Там же. С. 142.

³⁴ Там же. С. 143.

³⁵ В этой поездке участвовал аспирант Института географии А.А. Величко.

Авдеевской стоянки. Нет и не было никаких объективных причин для столь длительной задержки издания отчётов по исследованию этих памятников»³⁶.

Ленинградский ветеран обвиняет также геологов В.И. Громова, М.Н. Грищенко и Г.И. Лизунова в том, что они не публикуют давно обещанные монографии по геологическим условиям палеолитических стоянок, первый — на Десне, второй и третий — на Дону. Географический факультет МГУ не публикует диссертацию Г.И. Лизунова «Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костёнковско-Боршевском районе».

Надо ли говорить, что ни один из упомянутых Рогачёвым проектов не был выполнен. Справедливости ради стоит добавить, что всю свою жизнь в археологии копавший Костёнки Александр Николаевич Рогачёв сам так и не написал книгу о них³⁷. Зато воронежские и курские материалы позволили ему совершить научный подвиг (в масштабах советской археологии) — доказать, что развитие культуры в каменном веке шло не стадийно, а многолинейно. «Написание конкретной истории первобытной общины», с его точки зрения, должно было вестись «не в плане общесоциологическом или историко-культурном», а по данным отдельных локальных областей в тот период европейской истории. Наметить отдельные культуры в археологии палеолита ему не удалось, но начало решения этой задачи было им положено.

Вернёмся к обвинению А.Н. Рогачёва в адрес тех коллег, кто не публикует накопанный материал и не обобщает его монографически. Оно относится не только к специалистам по каменному веку, но по всем остальным археологическим горизонтам. И остаётся в силе до наших дней. Ничего не меняется в российской полевой археологии с моральной ответственностью большинства сотрудников за результаты своей работы. Об этом не принято говорить вслух, то есть печатно, но с фактами не поспоришь. Возьмём отчёты о полевых исследованиях, чей каталог опубликован за 1945–1964 годы в четырёх томах³⁸. В схеме описания этих отчётов заключительный, шестой пункт отмечает место хранения накопанных по каждому открытому листу коллекций. Показателен процент формулировки «Сведений о коллекции нет». За 1945–1954 гг. из 694 отчётов о раскопках нет сведений о местонахождении 286 коллекций (30%); 1955–1959 гг. — из 830 — 467 (почти 46%); 1960–1964 гг. из 935 — 608 (около 60%); за 1965–1968 годы — из 779 — 428 (55%).

³⁶ Рогачёв А.Н. Отчёт о работах в 1955 году палеолитической экспедиции по изучению геолого-геоморфологических условий палеолитических стоянок Средне-Русской возвышенности // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1206. Л. 4.

³⁷ Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М., 2011. С. 134.

³⁸ См.: Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог. [Т. I]. 1945–1954 гг. М., 2009; [Т. II] 1955–1959 гг. М., 2010; [Т. III]. 1960–1964 гг. М., 2011; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчёты о полевых исследованиях. Каталог: 1965–1968 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2013.

Вот наглядное математическое выражение того падения нравов в советской археологии, против которого ратовал всегда А.А. Формозов. Зачем мы столько копаем памятников старины на государственные деньги, если результаты раскопок пропадают неизвестно куда? Наверное, какая-то часть неведомых Институту археологии коллекций всё же где-то сохранилась, но как их найти будущим специалистам? Так что стоит отметить тех немногих археологов старших поколений, все без исключения коллекции которых находятся в известных головному учреждению хранилищах. Среди них сам А.А. Формозов и упоминаемый в этом параграфе И.И. Ляпушкин. Но таких научных педантов меньшинство.

Так, с конца 1980-х годов ведущим археологом в Курской области является Владимир Васильевич Енуков, работы которого я неоднократно упоминаю выше и ниже в своей работе. Но его докторская диссертация и подготовленная к её защите монография — «Славяне до Рюриковичей» (Курск, 2008) посвящены, по сути, роменской археологической культуре в Посеймье, а отнюдь не тем эталонным для Древней Руси комплексам памятников, которые он копает скоро три десятка лет — Ратскому, Липинскому, Рыльскому и Курскому. Будут ли подготовлены обобщающие их полевые исследования монографии — большой вопрос со вряд ли утешительным ответом. Да и находки из этих раскопок пылятся в кладовках, называемых «музеем археологии» Курского государственного университета. Ни в областной краеведческий, ни в областной археологический музеи с их общедоступными экскурсантам экспозициями и учёным исследователям фондами они не поступали. Вернёмся к риторическому вопросу правдоискателя Рогачёва о целевом назначении сотен тысяч и миллионов бюджетных рублей, на эти раскопки потраченных...

Директор Курского музея археологии Г.Ю. Стародубцев четверть века докапывает остатки изуродованного хозяйственниками и кладоискателями Гочевского археологического комплекса. А кандидатскую диссертацию он защитил ... по истории местной археологии. Вряд ли теперь кто обобщит гочевские древности, более ста лет изучаемые русскими археологами. Несколько тезисов и статей курских музейщиков про отдельные находки из новейших гочевских раскопок никак не вводят в научный оборот этот, в свою очередь, уникальный памятник. Стоит ли повторять моралите про потраченные из бюджета области финансы.

Так и ученица Воеводского и его первая помощница на авдеевском раскопе — *Марианна Давыдовна Гвоздовер* (1917–2000) не сумела дать монографического описания удивительного, эталонного памятника. Её хватило на частичную публикацию отдельных категорий находок (правда, в сопоставлении их с остальными верхнепалеолитическими стоянками, известными к тому времени на территории Восточной и Западной (Чехословакия, Австрия) Европы). Из её исследования «мы видим следы расселения от Дуная до Дона первобытных общин, связанных общностью происхождения. В погоне за стадами мамонтов, бродивших по лёссовым

равнинам приледниковой Европы, и в поисках месторождений мелового камня, расселялись общины первобытных охотников на мамонтов»³⁹.

В дальнейшем, начиная с 1972 года, М.Д. Гвоздовер и примкнувший к ней на этом этапе видный ленинградский палеолитовед *Геннадий Павлович Григорьев* (1937–2009) продолжили стационарные раскопки Авдеевской стоянки и вели их помаленьку долгие годы, вплоть до кончины сначала Гвоздовер, а затем и Григорьева. Памятник «унаследовала» бывшая аспирантка Института антропологии МГУ, затем кандидат исторических наук *Евгения Вячеславовна Булочникова*⁴⁰, в свою очередь безвременно ушедшая из жизни.

Так что результаты, что ни говори, масштабного — более чем полувекового проекта «Авдеево» выходят противоречивые. Спорадические публикации материалов отсюда продолжались всё это время. На базе Авдеевской экспедиции состоялся полевой семинар, на который приехали французские археологи. По этому случаю местные власти даже проложили к деревне от курчатовской трассы настоящую дорогу из бетонных плит.

В 1997 году 80-летие маститой исследовательницы Гвоздовер было отмечено научной конференцией в её честь, организованной, впрочем, сектором палеолита петербургского ИИМКа.

В 2013 году Е.В. Булочникова выступила в своём НИИ антропологии МГУ с докладом об итогах очередного сезона раскопок Авдеева («Проблемы, результаты, перспективы»).

Геннадий Павлович Григорьев оставил заметный след в науке о каменном веке разных стран, но главный памятник его жизни — курское Авдеево остаётся и недокопанным, и недоисследованным, и недоизданным.

Как же не выразить сожаления в связи с тем, что отдельной монографии, специально подводящей некие итоги более чем полувекового периода раскопок Авдеева, в печати пока так и не появлялось. А ведь все первоисследователи памятника ушли в мир иной. Кто ж теперь отчитается за потраченные на эти раскопки государственные средства?

Однако я забежал вперёд с оценками последующих работ на стартовых объектах Деснинской экспедиции.

В 1950 – 1960-х годах последовал *новый этап археологических работ на территории Курской области*, которые повели, прежде всего, некоторые из бывших участников авдеевско-липинской группы М.В. Воеводского. Как видно, с его лёгкой руки *профессиональная археология вернулась в эти места после полувекового перерыва*, занялась здешними памятниками старины основательнее, чем когда бы то ни было раньше. Этот этап изучения древностей *Посеймья* можно назвать *научно-академическим*. Ведь разведки и

³⁹ *Гвоздовер М.Д.* Авдеевская стоянка и её место среди других памятников позднего палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1958. С. 13.

⁴⁰ *Булочникова Е.В.* Место костёнковской культуры в восточном граветьене. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1998.

раскопки здесь велись уже в плановом порядке, год за годом, достаточно широким фронтом, несколькими отрядами специалистов-археологов разного профиля своих научных интересов; их действия координировал единый центр — ИИМК, затем Институт археологии АН СССР. Фиксация результатов полевых работ осуществлялась практически на современном уровне, так что с соответствующими коллекциями вещей с курских памятников полноценно трудятся и нынешние археологи. Основные результаты производимых в поле и камеральной лаборатории работ регулярно публиковались — в «Кратких сообщениях ИИМК», «Советской археологии», других сборниках; более полно они аккумулировались в архивированных полевых отчётах. Так русская археология опомнилась от затяжного кризиса, вызванного эмиграцией учёных, их меценатов и руководителей, и массовыми убийствами, иными репрессиями тех коллег, кто остался на родине после Германской войны и революции.

В 1948–1949 годах *Пётр Иванович Засурцев* (1912–1974) и *Нина Константиновна Лисицына* (1921–2000) из ИИМКа начали, а в 1951 году продолжили *раскопки в Липине* — на городище и двух курганных могильниках XI–XII веков поодаль него⁴¹. Одну из этих курганных групп удалось датировать концом X – началом XI века, а вторую — XI–XII веками.

В духе самого позднего сталинизма сделано заключение к отчёту об этих раскопках: «Нет сомнения, что Липинское городище на протяжении своей длительной истории населялось славянскими племенами»⁴². К чести пожизненного младшего научного сотрудника Петра Ивановича эта финальная фраза машинописного отчёта была им впоследствии зачёркнута. Не поленился же, не устыдился сотрудников архива, пошёл в архив и вычеркнул. На войне гвардии старший лейтенант Засурцев попал в плен, прошёл через несколько концлагерей, бежал к своим и снова воевал в составе войск 1-го и 3-го Белорусских фронтов, награждён боевыми орденами и медалями. Определённого мужества потребовал от ветерана и «побег» из псевдопатриотической идеологии: ведь взял же он после смерти Сталина в институтском архиве свой отчёт и зачеркнул в нём эту фальшивую фразу... Росчерк пера — и судьба учёного, характер гражданина России. Такие поступки мы сейчас, к сожалению, вспоминаем реже, чем доносы и палаческие действия наших предшественников.

Основные результаты раскопок бескурганного могильника (на юго-западной окраине липинского селища) опубликовал участник той же

⁴¹ *Лисицына Н.К.* Археологические исследования в РСФСР в 1949 году // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.–Л., 1951. С. 165–166.

Биографическая справка об этой замечательной подвижнице отечественной археологии: Институт археологии: история и современность. Сб. научных биографий. М., 2000. С. 157–158.

⁴² См.: *Засурцев П.И.* Отчёт о раскопках Липинского городища в 1951 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 927.

См.: Засурцев Пётр Иванович [некролог] // Советская археология.

экспедиции *Ростислав Леонидович Розенфельдт* (1922–1989)⁴³. Впоследствии, в начале 1990-х годов остатки этого кладбища оказались уничтожены песчаным карьером силикатного завода (Хотя богобоязненный П.И. Засурцев аккуратно перезахоронил человеческие кости *in situ* из раскопанных им липинских труположений после взятия вещевого инвентаря и фиксации погребальной обрядности. Как видно, марксистская наука не затмила в его сознании православной идеи страшного суда... Столь гуманистическая инициатива археолога заслуживает особого внимания в наши дни; особенно в связи с возрождением христианской археологии в России).

Богатый материал дали тогда же и раскопки на самой площадке Липинского городища. Особую ценность этим находкам придаёт их сравнение с результатами новейших раскопок того же самого памятника под руководством В.В. Енукова и О.Н. Енуковой (Курск), при участии Ю.Ю. Моргунова (Москва) и В.В. Приймака (Украина, Сумы)⁴⁴.

Здесь стоит заметить, что именно в курском Липине Н.К. Лисицына прошла свою основную практику полевого археолога, самостоятельно руководила раскопками. С 1949 года эта выпускница исторического факультета МГУ и аспирантуры ИИМК (вскоре переименованного в Институт археологии) была назначена учёным секретарём Комитета полевых исследований этого института. На этой должности она проработала почти полвека, до конца 1990-х годов, регистрируя отчёты о раскопках и оформляя открытые листы для археологов всего СССР, затем всей Российской Федерации.

Другая замечательная представительница отечественной археологии — *Анна Епифановна Алихова* (1902–1989). Она оказалась хорошо подготовлена к тому, чтобы принять от своего безвременно скончавшегося супруга эстафету археологического изучения Курского края. Уроженка Калужской губернии, она окончила физико-математический факультет Московского университета, а затем специализировалась здесь же на кафедре антропологии. После чего работала сотрудником Московского областного музея (1930–1934), затем ГИМа (с 1936). Как профессиональный археолог

⁴³ См.: *Розенфельдт Р.Л.* Липинский бескурганый могильник // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958.

⁴⁴ См.: *Енуков В.В.* Процессы урбанизации на территории Посеймья в X–XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999; *Енуков В.В., Енукова О.Н.* «Городи Посемьские»: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999.

Выдвинутый В.В. Енуковым тезис о наличии в Посеймье особого типа древнерусских памятников, «для которого характерно небольшое, но хорошо укрепленное городище без заметных следов хозяйственной жизни», противоречит результатам прежних раскопок Липинского городища в конце 1940-х – начале 1950-х годов под руководством Р.Л. Розенфельдта и П.И. Засурцева. Наши соображения в пользу плотной застройки площадки этого городища в древнерусское время см. подробнее: *Щавелёв С.П.* Феодосий Печерский – курянин. Историко-археологические очерки. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2008. С. 99–109.

она дебютировала работами по мордовским древностям ⁴⁵. Кроме того, участвовала в археологическом надзоре за строительством московского метрополитена, канала Москва — Волга. В 1950–1956 годах руководит отрядом Куйбышевской археологической экспедиции, изучая памятники разных эпох в зоне затопления тамошней ГЭС.

А.Е. Алихова (сидит слева от зрителя), П.И. Засурцев (сидит справа), за его спиной — М.В. Воеводский. На полевых квартирах. 1940-е годы.

Приезжая по инициативе М.В. Воеводского и вместе с ним в Курск, Анна Епифановна нашла своё истинное, пожалуй, призвание в полевой археологии — памятники раннего железного века Восточноевропейской лесостепи. В 1948 году она начала и в 1950-е годы продолжила обследование городищ по Сейму — Кузину гору, Александровское, Плаксинское,

⁴⁵ См.: Алихова А.Е. Мордовские могильники X–XIV вв. (Тезисы кандидатской диссертации, защищённой в Учёном совете ИИМК АН СССР 29 декабря 1947 года // КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949; *Её же*. К вопросу о буртасах // Советская этнография. 1949. № 1.

Кудеярову гору, Сугрово; Авдеевское селище славян-роменцев и другие памятники, закладывая на них шурфы и небольшие раскопы ⁴⁶. В результате обнаружилась целая сеть укреплений, относящихся к северной периферии скифоидного мира, юхновской археологической культуры I тысячелетия до новой эры. То были первые укрепленные поселения на территории Курского Посеймья; их археологическое изучение открыло новую главу древнейшей истории края.

*Кузина гора на Сейме сегодня.
Фото на сайте «Достопримечательности Курской области».*

В 1955–1961 годах Кузина гора (всё в том же районе Дични, западнее Курска, где расположены и Авдеево, и Липино) была основательно раскопана А.Е. Алиховой (и очень вовремя, если учесть, что к сегодняшнему дню поверхность городища нацело застроена дачами). То оказался весьма

⁴⁶ См.: Алихова А.Е. Отчёт о работе Деснинской экспедиции за 1948 год // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 291. Ч. 2; *Её же*. Отчёт о раскопках в 1955 году в Курской области около города Курска и по реке Сейм и его притокам в пределах Иванинского, Льговского, Дмитриевского и Хомутовского районов // Там же. Д. 1129; *Её же*. Отчёт о раскопках Курской экспедиции. 1956 год. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1342.

Её же. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959; *Её же*. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

типичный, однослойный памятник юхновской культуры — по всей видимости, племенной центр-убежище с культовыми функциями⁴⁷.

Анна Епифановна Алихова (1903–1989).

Фото 1950-х годов из кн.: Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 1998.

Кроме того, в 1955 же году А.Е. исследовала шесть раскопами Моисеевское городище на Свапе, занимавшее часть хутора Моисеева⁴⁸. Сопоставление полученных в разных пунктах Посеймья материалов эпохи раннего железа позволило ей сделать ряд новых и важных для истории этого культурного горизонта выводов относительно хронологии (V–IV веков до новой эры); конструкций оборонительных сооружений, жилищ; состава керамики; производственной и бытовой деятельности на древнейших укрепленных поселениях данного региона. Этих юхновцев исследователи потом «примеряли» на роли будинов или меланхленов геродотова описания Скифии и сопредельных с нею территорий.

А.Е. Алихова неоднократно возвращалась в Курскую область для разведок и раскопок и в 1960-е, и даже в начале 1970-х годов. Большинство её экспедиций производилось тогда в дружеском сотрудничестве с Юрием Александровичем Липкингом, опытным курским краеведом, учителем физики школы № 12 Вениамином Евгеньевичем Шулем и с привлечением на археологическую практику студентов здешнего педагогического института.

⁴⁷ *Алихова А.Е.* Особый тип сооружений на городище Кузина гора // Советская археология. 1958. № 3. 1951.

⁴⁸ *Алихова А.Е.* Моисеевское городище в период Киевской Руси // КСИА. Вып. 77. М., 1962.

Среди изучаемых ею на протяжении 1940 – 1960-х годов объектов — раннесредневековое селище и могильник у всё той же «археологической энциклопедии» юго-восточной лесостепи — Авдеева ⁴⁹.

*Ольга Николаевна Мельниковская. До блокады Ленинграда, которую она проработала санитаркой в госпитале.
С сайта отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.*

*Ветеран Великой войны О.Н. Мельниковская.
Фото с сайта «Родной Брянск».*

⁴⁹ Алихова А.Е. Авдеевское селище // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.–Л., 1951;
Её же. Авдеевское селище и могильник // МИА. № 108. Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963.

В 1948 году *Ольга Николаевна Мельниковская* (1921–2008), видная специалистка по раннему железному веку европейской части страны, провела разведку на Шуклинском городище (вскоре за городской чертой современного Курска на северном, московском направлении).

А в 1952–1953 годах стационарные раскопки (общей вскрытой площадью более 700 квадратных метров, а также разрез вала и курган с трупосожжением) на этом памятнике провела столь же известная исследовательница *Татьяна Николаевна Никольская* (1919–2001)⁵⁰. Ей помогали курские энтузиасты археологии — В.И. Самсонов, Ю.А. Липкинг, фотограф Е.В. Недзвецкий (краеведческий музей). В итоге этих работ Шуклинское городище пополнило до сих пор короткий список полно, по тем временам эталонно раскопанных поселений роменской археологической культуры.

Т.Н. Никольская. С сайта Википедии.

В 1954 году Т.Н. Никольская предприняла небольшие раскопки на сеймском городище Лысая гора, а в 1960 году шурфовала соседнее городище — гору Кудеярову. Слои раннего железного века перекрывались на всех этих

⁵⁰ См.: *Мельниковская О.Н.* Отчёт за 1948 год // Архив ИА РАН. Д. 291. Ч. 1; *Никольская Т.Н.* Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958; *Её же.* Поселения раннего железного века в бассейнах Десны и Верхней Оки // КСИА. Вып. 119. М., 1969; *Её же.* Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 94. М., 1963; *Её же.* Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме // Археологические открытия 1967 года. М., 1968; *Её же.* Работы на территории Курского водохранилища // Археологические открытия 1969 года. М., 1970; *Её же.* Первые сведения о погребальном обряде у племён юхновской культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 176. М., 1970; *Её же.* Работы Деснинского отряда // Археологические открытия 1971 года. М., 1971; *Её же.* Судьба моя – счастливица. М., 2004.

объектах славянскими (роменскими). С 1949-го по 1984 год Т.Н. Никольская руководила Верхнеокской экспедицией своего института и по результатам её работы подготовила обобщающие труды по археологии летописных вятичей и другим эпохам истории Поочья. Курские материалы логично вписались в этот фундаментальный проект в качестве сопоставительных раскопок на Левобережье Днепра, куда летопись поселила северян и вятичей, а современные археологи — роменскую археологическую культуру.

Позднее, в 1960 – 1970-е годы все эти три замечательные исследовательницы — А.Е. Алихова, О.Н. Мельниковская и Т.Н. Никольская ещё несколько раз обращались и к полевым изысканиям в Курском Посеймье, и включали материалы отсюда в свои монографические труды, посвящённые крупным проблемам древней истории Восточной Европы.

С начала 1950-х годов и на протяжении трёх десятилетий ежегодно разведки городищ и других памятников в Посеймье повёл Ю.А. Липкинг, о чём детально говорилось мной ранее.

Особой масштабностью, высотой методического уровня и систематичностью публикации полученных результатов отличались *разведки, произведённые в курской лесостепи Иваном Ивановичем Ляпушкиным* (1902–1968). Напомним, что с Курщиной он познакомился ещё в 1930-е годы, когда, будучи аспирантом, ассистировал Б.А. Рыбакову при раскопках Гочевских городищ. В 1940, а затем с 1947–1948 годах уже зрелым специалистом посетил, описал, прошурфовал большинство известных к тому времени городищ Посеймья, выявил несколько незнакомых науке. По сути, именно Ляпушкин и ввёл и те, и другие памятники в научный оборот. В центре интересов этого исследователя находились проблемы славянского этногенеза, в особенности его завершающих этапов в пределах Восточной Европы. Именно курские материалы оказались ключевыми для выдвинутых им по данной проблематике гипотез.

Дойдя со своим мобильным отрядом по территории Левобережной Украины, от Днепра и Десны до Курской области, Ляпушкин отказался от тактики сплошного обследования того или иного поречья, которой он придерживался ранее. По Сейму и его притокам, Пслу и Осколу, Северскому Донцу и Орели он целенаправленно искал памятники эпохи железа, в особенности следы первых достоверно славянских поселений, прежде всего уже известных по археологической литературе. Предварительный список памятников для посещения был составлен Ляпушкиным по трудам всех предыдущих разведчиков посеямских городищ и курганов — Д.Я. Самоквасова (включая известный читателю моей книжки каталог 1873 года, составленный Губернским статистическим комитетом по его инициативе), К.П. Сосновского, А.Н. Александрова, Л.Н. Соловьёва. Отклонения от заранее намеченного маршрута делались только при обнаружении новых, не зафиксированных в его картотеке памятников. Однако попутно фиксировались остальные культурные слои на осматриваемых объектах. Так, его отрядом было пройдено по территории Посеймья в общей сложности более 2 000 километров и обследовано до 100 поселений. Везде группой Ляпушкина велась картосъёмка, собирался

подъёмный материал, делались зачистки и (там, где на поверхности находки отсутствовали) шурфы; опрашивались местные жители на предмет находок древностей и народных версий соответствующих памятников.

В целом ряде мест принимались меры по приостановке разрушения памятников хозяйственными работами. Так, в деревне Добрая Шебекинского района «правление местного колхоза было поставлено в известность, что производить копку глины на территории [салтовского] могильника, а равно извлекать камни из вала городища воспрещается»⁵¹. По тем законопослушным (после массовых репрессий) советским временам такие запреты столичных специалистов могли и подействовать на какое-то время.

В результате именно этим автором были впервые в историографии намечены основные этапы оседлого заселения Левобережья от раннего железного века до монгольского завоевания. Применительно к скифскому времени (примерно VII–III века до новой эры⁵²) и зарубинецко-черняховской эпохе «полей погребений» (III–IV века эры новой⁵³), для славяно-русского периода (IX–XIII веков⁵⁴) *разведки этой Левобережной экспедиции* сыграли переломную роль в накоплении достоверной информации — вместо немногих разрозненных данных различной степени достоверности наука получила первый вариант полноценного каталога городищ и селищ Левобережного Поднепровья, с чёткой периодизацией всего периода раннего железа на данной территории. Было окончательно выяснено, что в верховьях Сейма, восточнее речки Рати, а на Псле восточнее села Картамышева городищ нет, а к западу от Курска и, особенно, Рыльска их число значительно возрастает.

Таким образом, разведками И.И. Ляпушкина была фактически установлена юго-восточная граница расселения массива славянских «племён», затем интервал своеобразного пульсирующего «фронттира» между Древней Русью и кочевнической, броднической Степью. Правда,

⁵¹ См.: *Ляпушкин И.И.* Отчёт о работе разведочного отряда Волго-Донской экспедиции в 1951 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 656, 657–658 (альбомы).

⁵² См.: *Ляпушкин И.И.* Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в бассейне Сейма // КСИИМК. Вып. XXVII. М.–Л., 1949; *Его же.* Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья (По материалам полевых исследований 1947 года в бассейне реки Сейма) // Советская археология. Т. XII. М.–Л., 1950.

⁵³ *Его же.* Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (По материалам полевых изысканий 1940, 45–48 годов) // Советская археология. Т. XIII. М.–Л., 1950; *Его же.* Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.–Л., 1950.

⁵⁴ См.: *Ляпушкин И.И.* Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. // КСИИМК. Вып. XII. М.–Л., 1946; *Ляпушкин І.І.* Дослідження Дніпровської Лівобережної експедиції 1947–48 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952; *Его же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки. Л., 1968 (МИА. № 152).

неукрепленные роменские поселения восточнее отмеченной Ляпушкиным границы могли быть до сих пор не разведаны, о чём как будто говорят случайные находки последних лет. Однако вряд ли они способны всерьёз изменить отмеченную границу.

*И.И. Ляпушкин. Как выясняется, главный археолог СССР.
Фотопортрет на сайте ИИМК.*

Славянских памятников ранее VIII века в регионе тогда обнаружить не удалось и вывод Ляпушкина об отсутствии здесь таковых прежде роменцев⁵⁵ удалось пересмотреть не сразу, а начиная с открытий в 1960-е годы и особенно решительно в последние годы. Сначала А.Е. Алихова и Ю.А. Липкинг нащупали могильники той культуры, которая потом была поименована колочинской. Так что и историко-археологическая лакуна V–VII веков, честно отмеченная Ляпушкиным для оседлого населения на Левобережье, оказалась в конце концов заполненной.

Кроме массы эмпирических данных, монографии И.И. Ляпушкина содержат целый ряд весьма оригинальных исторических гипотез в связи с тем или иным памятником, микрорегионом. Эти предположения потом

⁵⁵ *Его же.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // Советская археология. № IX. 1947; *Его же.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М.–Л., 1961 (МИА. № 104).

пересказывались и развивались другими авторами, краеведами и археологами, нередко без ссылок на их настоящего автора. Привлекает своей объективностью осторожность ляпушкинских формулировок в подобных случаях. Например, «Ратское поселение, — на его взгляд, — в целом представляет значительный научный интерес, главным образом, для поздней татарской поры. Судя по площади распространения культурных остатков, их разнообразию и насыщенности ими, это было большое и богатое поселение, возможно, одна из таких слобод, как слободы курского баскака Ахмата, о которых упоминает летопись под 1283 годом»⁵⁶.

Дальнейшие раскопки и сборы на территории данного археологического комплекса блестяще подтвердили это предположение. Причём Ляпушкин высказал его в такой корректной форме, которая снимает довольно резкий спор сторонников⁵⁷ и противников⁵⁸ этой локализации соответствующих летописных реалий: город с постоянным и многочисленным татарским населением во второй половине XIII–XIV веках тут налицо. Об этом говорит найденное на Рати беспримерное для Руси того времени количество тарной и столовой ордынской керамики, большое количество ордынских монет, предметы воинского снаряжения татар, а также экстраординарная для Руси (всего третья для слоев монгольского времени) находка — металлическое зеркало (и фрагменты аналогичных изделий) степных женщин этого же времени, другие тому подобные⁵⁹. А была ли это именно Ахматова слобода или иной какой форпост Орды, наверняка, конечно, не скажешь. Во всяком случае, тенденция отодвинуть границу Руси с Ордой со среднего Сейма к его верховьям⁶⁰, объяснение находок золоордынской керамики исключительно торговыми связями коренного —

⁵⁶ Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры... 1950. С. 48.

⁵⁷ См.: Александров-Липкин Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края ... С. 110–117 («Мёртвый город на Рати»); Енуков В.В. Летописные сведения 1283–1284 годов и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С. 121–123.

⁵⁸ См.: Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Его же. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. I. М., 1996.

⁵⁹ См. для сравнения: Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // Российская археология. 1998. № 2.

Благодарю В.Ю. Коваль и Г.Ф. Полякову (ГИМ) за любезные консультации по татарским вещам с Ратского городища.

См. подробнее: Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Вып. 3. Курск, 2000; Его же. Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы II Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 года / Отв. ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж, 2016. С. 404–415.

⁶⁰ См.: Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории...

русского населения ⁶¹ не подтверждаются новыми находками татарских материалов на курских (кроме Беседина, следы ордынской керамики и татарские монеты обнаружены на Гочевском и Липинском комплексах), а затем и воронежских памятниках.

*Л.Н. Третьяков — честный партизанин и смелый археолог.
С сайта Костромской археологической экспедиции.*

Посеймские открытия И.И. Ляпушкина поддали полемического жару в его принципиальный спор с другим известным археологом, *Петром Николаевичем Третьяковым* (1909–1976) о путях заселения Восточной Европы славянами. Ляпушкин (а вслед за ним В.В. Седов и другие авторы) придерживались гипотезы об изначальном движении славян с запада на восток, приведшем их в третьей четверти I тысячелетия новой эры в Среднее Поднепровье и, далее, на Левобережье ⁶². Третьяков же и его сторонники (например, Э.А. Сымонович, Ю.А. Липкинг) рассматривали славянское население юго-восточной лесостепи как автохтонное уже с конца I тысячелетия до новой эры и искали преемственных связей между отдельными культурами этого региона в позднеантичную эпоху (прежде

⁶¹ См.: *Цыбин М.В.* Юго-Восток русских земель во второй половине XIII–XIV в. (К изучению этнокультурных процессов) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 339.

⁶² См.: *Ляпушкин И.И.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // Совесткая археология. Вып. XIII. М.–Л., 1950; Там же. Вып. XVI. М.–Л., 1952; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970 (МИА. № 163).

всего черняховской) и отмеченным Ляпушкиным этнодемографическим выплеском предроманского времени ⁶³.

Современные модели окончания славянского этногенеза, как это нередко бывает в истории науки, как-то синтезируют эти два подхода — миграционистский и автохтонистский ⁶⁴. Хотя и тогда, в послевоенные годы, полемисты оказались достойны друг друга — выходец из крестьян, сохранивший характерный сельский говорок Иван Иванович Ляпушкин и москвич-вундеркинд, блестящий интеллигент Пётр Николаевич Третьяков — оба вошли в историю отечественной археологии как её признанные корифеи. «По следам первых славянских культур» вслед за Третьяковым, по проторённым им тропам идут исследователи новых поколений. Поистине дьявольская интуиция Ляпушкина-историка сегодня находит всё новые и новые подтверждения в полевых и в монографических исследованиях курских памятников. На его стороне в упомянутом споре с Третьяковым было больше правды ⁶⁵.

Кроме москвичей и ленинградцев, территорию Курского края (в его прошлых широких пределах) после войны стали посещать украинские археологи. Так, в 1947 году *Дмитрий Тарасович Березовец* (1910–1970) произвел разведочные раскопки на городище «Городок» в Путивле. И вновь за строкой истории курской археологии встаёт далеко незаурядная личность: встретив войну кадровым военным, Д.Т. Березовец в ходе отступательных для Красной армии боёв 1941 года попал в немецкий плен. В концлагере он возглавил отряд сопротивления. После освобождения только проявленное им в нацистском подполье героичество спасло его от лагеря советского. Но с армейской службы его в 1946 году всё-таки уволили, после чего он уже и вернулся к археологической практике — к вящей славе восточных славян северянского союза племён, их предшественников и соседей по Восточному Поднепровью. Д.Т. — первооткрыватель сразу двух археологических культур и каких — волынцева и пеньковки, чей вклад в становление собственно славянства трудно переоценить. В его же научных трудах впервые получили

⁶³ См.: *Третьяков П.Н.* Что такое «Пастырская культура»? // Советская археология. 1971. № 4; *Его же.* По следам древних славянских племён. Л., 1982.

⁶⁴ См. например: *Славяне. Этногенез и этническая история* (Междисциплинарные исследования). Л., 1989; *Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М. – Сумы, 1991; *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М.*, 1993; *Обломский А.М., Гавритухин И.О.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996; *Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // Российская археология. 1999. № 4; др.

⁶⁵ Отряды пришельцев-славян с Запада, из Подунавья, судя по всему, что накопили археологи, практиковали этнические чистки своих славянских же предшественников здесь, на Юго-Востоке Европы, как и позднее полиэтничная Русь среди северянского населения этого региона. Хотя какие-то культурные традиции и часть населения могли победителями абсорбироваться.

монографическую разработку древности северян и их южных соседей — алаано-болгаро-хазар салтовцев.

*Дмитрий Тарасович Березовец — боец Красной армии, боец Сопротивления в немецком концлагере, боец за правдивую историю славян.
Фото с сайта «Энциклопедия современной Украины».*

К сеймским памятникам конца I тысячелетия новой эры Д.Т. Березовец обращался и в дальнейшем, в 1950 – 1960-х годах ⁶⁶.

Тем временем собственно *курское краеведение после войны* продолжало хиреть и к 1950 – 1960-м годам, с постепенным уходом в мир иной поколений, получивших гимназически-университетское образование, окончательно выродилось. Извечные сетования старейшин на измельчание

⁶⁶ См.: *Березовец Д.Т.* Археологические памятники летописных северян // КСИАУ. Вып. 7. Киев, 1957; *Его же.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. // Археологічні пам'ятки. Т. 5. Київ, 1955; *Его же.* Харківський скарб (7–8 ст.) // Археологія. 1952. Т. 6; *Его же.* До питання про літописних сіверян // Там само. 1953. Т. 3; *Его же.* Поселення уличей на р. Тясмині // Матеріали і дослідження по археології СРСР. 1963. № 108; *Его же.* О датировке черняховской культуры // Советская археология. 1963. № 3; *Его же.* Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. 1965. Т. 19; *Его же.* Черняховская культура и культура славянских племён 6–8 вв. // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. К., 1970. Вып. 121; *Его же.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. 1970. Т. 24; *Его же.* Салтівська культура // Археологія УРСР. 1975. Т. 3; *Сміленко А., Сухобоков О.* Пам'яті Дмитра Тарасовича Березовця // Археологія. 1990. № 4.

молодёжи в условиях позднего сталинизма наполнялись вполне историчным смыслом. Репрессии и войны унесли слишком много народа, а ещё больше запугали до неприличия. На один только, правда, ужаснопамятный — 1937 год Курскому областному управлению НКВД из наркомата внутренних дел был спущен план на ускоренную репрессию «враждебных элементов» — 4 000 человек. Из них к первой категории — «наиболее враждебных элементов», подлежащих после ареста и рассмотрения на так называемой «тройке» расстрелу — относилась 1 000, а ко второй категории — лишению свободы от 8 до 10 лет — 3 000. Выполняя эту директиву, курские чекисты, как тогда водилось, перевыполнили план — арестовали 8 354 человека. Из них тогда же, немедленно после решения «тройки» было расстреляно 2 886 человек (34,5%), а 5 468 (45,5%) приговорено к тюремному и лагерному заключению, в том числе 4 862 человека к 10 годам лагерей.

Впервые опубликовавшие эти данные В.В. Раков и В.Г. Карнаевич⁶⁷ разнесли их по категориям осуждённых: «бывшие кулаки» — 4 607 (55%), из них 1319 к высшей мере наказания, расстрелу; «уголовники» — 1474 (16,8%), к расстрелу 510; «эсеры» — 358 (4,4%), к расстрелу 131; «троцкисты» — 91 (1,2%), к расстрелу 50; «шпионы и диверсанты» — 37 (0,5%), к расстрелу 25; «духовенство и монашествующие элементы» — 245 (3%), к расстрелу 146; «сектантский и церковный актив» — 576 (7%), к расстрелу 213; «участники контрреволюционных образований в прошлом» — 6 (0,1%), к расстрелу 5; «украинская националистическая контрреволюция» — 21 (0,4%), к расстрелу 9; «активный контрреволюционный элемент в прошлом» (белогвардейцы, бывшие каратели, служащие полиции, жандармы) — 733 (89%), к расстрелу 413; «прочие» — 206 (2,6%), к расстрелу 65⁶⁸.

Послевоенный всплеск надежд на обновление советской жизни обернулся дальнейшими репрессиями новых категорий населения — чудом спасшихся из немецкого плена узников, остававшихся на захваченной врагом территории «пособников оккупантов», «националистов», «сионистов», «врачей-отравителей», даже некоторых групп партийной номенклатуры и чекистов, как это водится перед концом тирана; и прочих бедолаг. Прежние страхи людей перед этой кровавой властью ещё усилились. «Ровесники окаменели, / Окаменеешь тут, когда / Живого места нет на теле, / Надежд на отдых нет следа...», — писал в эти годы (1946–1947) писатель-сказочник Евгений Львович Шварц. «Страшно было, — писал он же в откровенном дневнике последних лет жизни. — Так страшно, что хотелось умереть. Конечно, не за себя. Конечно, великолепное правило: "Возделывай свой сад", но если возле изгороди предательски и бессмысленно душат знакомых, то,

⁶⁷ Раков В.В., Карнаевич В.Г. О репрессиях 1937 года (на материалах Курской области) // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 1998. С. 91.

⁶⁸ См. там же. С. 92.

возделывая, становишься соучастником убийц. Но прежде всего — убийцы вооружены, а ты безоружен — что же ты можешь сделать? Возделывай свой сад. Но убийцы задушили не только людей, самый воздух душен так, что сколько ни возделывай, ничего не вырастет»⁶⁹. Запись от 8 октября 1954 года показывает, как смерть диктатора-дракона досрочно раскрепостила умы самых совестливых литераторов в стране.

Послереволюционный лидер советской археологии Василий Алексеевич Городцов записал в своём дневнике 1931 года очень верное наблюдение за нравами своих коллег. В Ленинграде, где было больше всего арестов по известному Академическому делу, потом после убийства Кирова, потом по «ленинградскому делу» молодых фаворитов Сталина, «настоящие и признанные учёные находятся в подавленном состоянии; они молчаливы и необщительны, как будто чего-то боятся и поэтому скрываются, замыкаются в самих себе. Quasiучёные носятся с высоко поднятыми носами и весёлой улыбкой на лице, как бы предвкушая удовольствие занять должности и кафедры, созданные огромнейшими трудами настоящих (неподдельных) учёных. ... Каждый из этих верхоглядов считает себя, по меньшей мере, Энгельсом или Марксом. Всех же остальных дюрингами, которых энгельсы и марксы победоносно разбивают вдребезги. ... В Ленинграде озорники захватили повсюду первенство и ведут войну со всем ленинградским учёным миром. Само собою разумеется, что при таком условии наука должна или сильно пасть, или даже и совсем прекратить своё существование»⁷⁰. Похожая картина наблюдалась и тогда, и после войны в провинции, где настоящих учёных было гораздо меньше: вместо коллективов образованных краеведов, попавших под беспощадный каток репрессий, региональным прошлым стали в основном заниматься безграмотные, но нахрапистые «краеведы» дурного сорта.

В 1946 году представители курской интеллигенции в который раз высказали благое пожелание объединиться в краеведческих целях. Вопрос был поднят на институтской конференции по изучению полезных ископаемых области. «На научной конференции было вынесено решение об организации при [педагогическом] институте научного общества по изучению местного края. Летом 1946 года это общество было создано и приступило к работе. Разработан и утверждён устав общества, избрано правление общества. В состав членов общества, кроме научных работников института, вовлечены работники Облплана, медицинского института, краеведческого музея и прочих городских и областных организаций»⁷¹. Надо ли говорить, что дальше устава и плана коллективная работа у любителей краеведения и на сей раз не пошла. Да и пойти не могла — после того, как краеведов предыдущего поколения репрессировали и запретили. Живое краеведение не могло существовать на общем фоне липовых «кружков»

⁶⁹ Шварц Е.Л. Позвонки минувших лет. М., 2014. С. 490.

⁷⁰ Городцов В.А. Дневники. 1928–1944. В 2 кн. Кн. 1. 1928–1935. М., 2015. С. 257.

⁷¹ ГАКО. Ф. Р–3707. Оп. 1. Д. 13. Л. 58 об.

любителей всего на свете, блестяще высмеянных М. Булгаковым, И. Ильфом и Е. Петровым.

После войны в Курске и его области жили и как-то реально действовали *краеведы-одиночки*. Среди них находились и настоящие подвижники этого увлечения. Вот, например, учитель истории *Олег Николаевич Андреев* (1918–1995) из Льгова. В любительской археологии выразились его семейные гены: сын художника Н.Н. Андреева (1865–1967) закончил педагогический техникум, а затем и учительский институт во Льгове (1941). На всю войну свежеепечённый учитель превратился в сапёра на фронте: Сталинград, Курская дуга, форсирование Днепра, бои в Белоруссии и Прибалтике. Вернувшись на родину в 1945 году, всю жизнь преподавал историю в льговской средней школе.

Андреев открыл в 1950 году Марицкое городище, позднее стационарно раскопанное в 1973–1976 годах А.И. Пузиковой. Далее он же разведал Нижнедеревенское городище, Воронинское поселение на дюнах, Кудинцевский могильник, археологический комплекс в Люшенке, старообрядческое кладбище и православное монастырище во Льгове. Его же усилиями была собрана замечательная коллекция подъёмного материала разных эпох, оформленная как музейный уголок одной из льговских школ.

Фото с Курского городского портала cod46.ru .

Ещё один ветеран Великой Отечественной войны — *Иосиф Ефимович Переверзев* создал народный музей памяти Д.Я. Самоквасова в Медвенском

районе ⁷² (о чём подробнее упоминалось в разделе, посвящённом этому археологу). Музей и сейчас существует в посёлке Медвенке (при профессионально-техническом училище) на правах районного.

Курянин *Александр Александрович Орлов*, работая машинистом станции водоснабжения Курского отделения железной дороги, заинтересовался находками палеонтологических окаменелостей и археологических вещей при работе подведомственных ему земснарядов и песчаных карьеров в Курском районе, начал собирать такие находки. В 1950 – 1970-е годы он систематически искал подъёмный материал на Ратском городище, в историческом центре областного центра. Тогда ещё не было металлодетекторов, так что визуальный, без «закопушек» сбор монет и прочих вещей по пахоте не являлся криминальным. Получившаяся в результате многолетних сборов представительная коллекция древностей разных исторических эпох была передана владельцем в Курский краеведческий музей ⁷³. Хотя и особой пользы для археологического познания разрозненные, непаспартизированные артефакты обычно собой не представляют.

Должно быть, родной стариной продолжали интересоваться ещё несколько курян, но до печати, даже местной периодической, результаты их разысканий тогда не дошли. В результате эволюции краеведческого движения под влиянием репрессий и общей социально-политической обстановки в стране один тип его представителей — эрудированного гуманитария с действительно высшим образованием и литературными способностями — сменился другим — коллекционера-разночинца, эмпирика даже не научного, а практического, знаточеского уровня отношения к древностям, с очень средним образованием, обделённого журналистским даром. Даже музейные сотрудники, получавшие тогда зарплату за хранение и экспозицию археологических находок, подпали в своём абсолютном большинстве под эту вторую, ущербную в научном отношении категорию. Большинство из тех экспедиций столичных археологов, что упоминаются в этом разделе моей книжки, финансировались полностью или вскладчину Курским краеведческим музеем. Однако редко в какой из них работал его сотрудник (чаще всего — фотограф Е.В. Недзвецкий), а про то, чтобы самостоятельно повести археологический надзор в области, никто из них даже не помышлял. Только Ю.А. Липкинг взялся за это, да так и остался среди курян в гордом одиночестве единственного держателя открытого листа на разведки и раскопки вплоть до 1980-х годов.

А в издаваемых курским агитпропом за 1940 – 1950-е годы сборниках «В помощь лектору и пропагандисту» краеведческой вроде бы направленности на поверку преобладали идеологические штампы. В качестве

⁷² См.: *Переверзев И.Е.* Народный музей Д.Я. Самоквасова // Школа и родной край. Курск, 1967; *Щавелёв С.П.* Не менее Шлимана славен... Профессор Самоквасов и Курский край // Городские известия. 1993. 21 августа.

⁷³ См.: *Лейбельман М.* Сквозь толщу веков // Курская правда. 1975. 6 февраля.

образца пропагандистской работы среди крестьян областному «активу» преподносилось «объединение лекторов села Жерновец» Свободинского района. К середине 1950-х годов колхозников здесь систематически донимали лекциями и беседами на самые разные темы — «о жизни и деятельности В.И. Ленина, о международном положении, о моральном облике советского молодого человека, о выборах в Верховный Совет РСФСР..., о достижениях колхозника-учёного Т.С. Мальцева, о советской избирательной системе, о жизни и литературном творчестве А.С. Пушкина, о Дне Советской Армии и Военно-Морского Флота и т.п. ... Показывались диафильмы о возделывании кукурузы», выпускались стенгазеты и «боевые листки» на ферме. «Село Жерновец расположено в нескольких километрах от бывшей Коренной пустыни. В недалёком прошлом значительная часть его жителей принимала участие в "крестном ходе". Теперь они осознали вред этого религиозного обряда: за последние годы в "крестном ходе" не участвовал ни один житель села». Ещё бы: им прочитали три цикла лекций на естественнонаучные и антирелигиозные темы, включая такую: «Правда о Коренной пустыни и "чудотворной" курской иконе»⁷⁴. Других краеведческих сюжетов здешние пропагандисты уже не затрагивали.

Как под копирку определялась тематика лекционной пропаганды во всей области. Так, «сельские агитаторы» села Тимонова вели «кружок по изучению биографии товарища Сталина», а приезжие из райцентра Валук и Курска лекторы говорили исключительно о международном положении и политике партии и правительства⁷⁵.

В 1950 году Курское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний опубликовало (тиражом 3762 экземпляра) стодвенадцатистраничную «Примерную тематику лекций» для своих пропагандистов — «докторов наук, кандидатов наук, профессоров, доцентов, научных работников, учителей, врачей, агрономов, инженеров, зоотехников и других представителей интеллигенции и партийного советского актива». В предисловии оговорено, что общесоюзная тематика «дополнена тематикой лекций краеведческого характера». Из двух с половиной тысяч тем, рекомендуемых для озвучивания «в домах культуры, библиотеках, сельских клубах, ремесленных училищах, санаториях, домах отдыха, на железнодорожном транспорте и т.д.», «лекций краеведческого характера» всего 39:

«История Курского края

1. Прошлое Курской области (районов области).
2. История г. Курска (городов Курской области).
3. Крестьянское движение в Курской губернии.
4. Октябрьская революция в г. Курске.

⁷⁴ Полухин К. Объединение лекторов села Жерновец. Курск, 1955. С. 7, 12–13.

⁷⁵ Шалыгина В. Прошлое и настоящее села Тимоново. Курск, 1947. С. 17.

5. Организация 1-й Конной Армии на территории Курской области.
6. Товарищ И.В. Сталин в Курской области.
7. Курск в годы Советской власти.
8. Коллективизация сельского хозяйства в Курской области.
9. Курская битва в 1943 г.
10. Партизанское движение в Курской области...
11. Наши замечательные земляки (Шелехов Г.И., Щепкин М.С., Семёнов Ф.А., Петров В.В., Уфимцев А.Г., Ватутин Н.Ф. и др.).
12. Герои Советского Союза Курской области.
13. Герои Социалистического труда Курской области.
14. Патриотические письма курских колхозников великому СТАЛИНУ.
15. Забота партии Ленина — Сталина и Советского правительства о развитии и процветании Курской области.
16. Народное образование в Курской области до революции и в годы Советской власти»⁷⁶.

Остальные 23 «краеведческие» темы посвящались «природе и экономике Курской области» (вроде таких: «Мичуринцы на полях Курской области», «Сталинский план преобразования природы в Курской области»). Как видно, областные методисты народного просвещения полагали более актуальными для него сотни тем по марксистско-ленинской философии, истории философии, эстетике, логике, критике буржуазной идеологии (в том числе: «Реакционная сущность "теории мирового" англо-саксонского языка», «Англо-американский физический идеализм» и тому подобная лживость), педагогике («Банкротство лейбористского правительства в области народного образования» и прочие в том же духе), психологии (например, «Англо-американская политика морально-идейного разложения молодёжи»), истории ВКП (б), произведениям классиков марксизма, истории СССР (начиная с «Культуры государства Урарту»), экономике, государству и праву, международным отношениям, нежели по истории и культуре родного для их слушателей Курского края.

При этом подавляющая часть населения области — колхозные крестьяне в своём абсолютном большинстве жили в хатах-мазанках под соломенными крышами, с земляными полами, без всякой канализации, с уборными на улице; палочной дисциплиной труда; вообще низким уровнем жизни, на полуголодном пайке. Примитивные строения сельских школ и «клубов» да районных больниц никак не способствовали просвещению населения.

Практически полностью оторвано от местного материала оказалось и преподавание истории в курских школах. Для внеклассной, кружковой работы с учениками рекомендовались сколь угодно отвлечённые темы («Чем нам дорог образ Спартака», «Великая роль нашей Родины в истории

⁷⁶ Примерная тематика лекций на 1950 г. / Под ред. *Н.Л. Некрасова, П.К. Староверова, Е.А. Цехера*. Курск, 1950. С. 94.

человечества» и так далее), а краеведческие отличались почти исключительно обличительным (в отношении прошлого) да апологетическим (по поводу всего послереволюционного) уклоном: «Борьба трудящихся города (села) со своими угнетателями — помещиками и капиталистами», «Передовые колхозы области (района)», «Улучшение материального положения и рост культурного уровня колхозников области (района)» и тому подобные.

«Экскурсии по историческим местам Курской области» ограничивались теми, что «связаны с борьбой русского народа с внешними врагами, с борьбой трудящихся против эксплуататоров, местами сражений в годы Гражданской и Великой Отечественной войны»⁷⁷. Специальный перечень рекомендуемых в областном центре «экскурсий по истории» включал в себя посещение следующих мест: бывшей курской крепости (на месте которой стоял бывший монастырь и здания казённых заведений; после войны — завод и кинотеатр), осаждавшейся поляками в 1612-м и 1634 годах; в связи с отменой крепостного права — дома отдыха «Моква», бывшей усадьбы графов Нелидовых; по гражданской войне — по местам, где пребывал товарищ Сталин и так далее⁷⁸.

Как видно из процитированных методичек, знания и популяризация истории и культуры родного края усилиями большевиков были отброшены века на два назад.

Этот советский стандарт изложения истории края — а) постоянные победы курян над внешними врагами-захватчиками; б) борьба «трудящихся» курян с «внутренними врагами»-эксплуататорами — надолго утвердился в методике преподавания школьникам и студентам. Вместе с очередной учительницей-методисткой, волей-неволей «представляешь себе эту забитую массу, которая шла в Коренную пустынь вымалывать для себя лучшую жизнь. Крестьяне жили в ужасных условиях: голод и смерть, смерть и голод господствовали в каждой избе. Цинизм курских помещиков и мещан не знал предела. Сытое мещанство закрывало школы, отказалось от строительства университета в Курске. На Курской земле росло недовольство народа» при «бесплодной, никчёмной жизни дворян Курской губернии»⁷⁹.

И это сказано, в том числе, про Афанасия Фета и его гостей Льва Толстого, Якова Полонского и Владимира Соловьёва! Про Николая Лескова с его любовью к соловьиному краю своей юности! Ещё про десятки и сотни персонажей моего скромного рассказа о первооткрывателях курских древностей, которые по собственной инициативе, без всяких субсидий учили крестьянских детей грамоте, лечили больных односельчан, организовывали

⁷⁷ Богданов Г.М. Внеклассная работа по истории и Конституции СССР (из опыта работы). Курск, 1954. С. 11, 14–15, 18.

⁷⁸ Ильякова М.П., Иванова Ю.А. Примерные маршруты экскурсий по истории («Революция 1905 года в городе Курске») // Родной край. Курск, 1946.

⁷⁹ Курский край в художественной и мемуарной литературе. Рекомендательный указатель. Сост. Е. Коган. Курск. 1962. С. 8.

музеи местных древностей, изучали природу окрестностей, писали с них картины, раскапывали городища и курганы, собирали этнографические коллекции, записывали местный фольклор («сказки, легенды, тосты»), делали ещё много чего полезного для родины и её народа. Богатые же куряне, и помещики, и горожане, в свою очередь, всю меценатствовали, строя не только церкви, но и школы, больницы, учебные мастерские, опытные поля и многие другие объекты благотворительности. Если на то пошло, то почти все охраняемые сегодня государством объекты культуры и природы остались нам от дореволюционных времён. Советский же период виден сегодня на той же земле развалюхами «домов культуры» да уродливыми бюстами лысых и волосатых «вождей».

Если пролистать краеведческие странички нынешних, за 1990 – 2010-е лета, средств массовой информации да учебных пособий по краеведению, то картина выйдет противоположная: всё больше про дворян да купцов-благотворителей своего родного края, гуманных губернаторов да просвещённых чиновников вспоминают журналисты и педагоги. Сервильность российской прессы и школы мало меняется со временем. Просто чёрное объявляют белым, а со временем — наоборот.

Насколько формализовалась в позднем СССР история, видно по следующему пассажиру из той же инструкции: «Куряне, как и весь русский народ, поднялись на борьбу с *монгольскими* завоевателями. Эта сторона исторической деятельности наших земляков отразилась в народном творчестве, в поэме "*Слово и полку Игореве*"»⁸⁰ (Курсив здесь и ниже мой — С.Щ.). Относительно же начала Курска как древнерусского центра утвердилась следующая, вполне произвольная, бездоказательная формула: «...Город возник в конце X века, как пограничная крепость Киевского государства. Князем Владимиром Курск тогда был основан для защиты от печенегов. Первое же упоминание в дошедших до нас письменных памятниках имеется в 1032 году. Тогда уже, как указывает летопись, здесь был город...»⁸¹. Вольное обращение с базовыми фактами истории края стало с тех пор не исключением, а правилом; подобными фактическими сбоями и фантастическими допущениями пестрят многие учебные пособия по краеведению и сегодня (их авторы, нередко кандидаты, доктора наук, летопись не отличают от жития, монголов от половцев и так далее в дилетантском духе; таких самозванцев я стремился разоблачать в своих публикациях, часть из которых помещена в Приложениях к этой работе).

Перечитав несколько десятков брошюр, изданных областным книгоиздательством за послевоенную четверть века, только в одной найдёте архивный материал, вводимый в читательский оборот. Надо ли говорить, что и этот материал был связан с эксплуатацией и ответной «борьбой трудящихся», хотя и в XVIII столетии. Речь в работе некоего

⁸⁰ Там же. С. 11.

⁸¹ [Ахун И.А., Лузан С.И., Лейбельман Х.Я.] Город меняет лицо. Курск в новой пятилетке. Курск, 1947. С. 4.

П.Е. Матвиевского ⁸² идёт о бунте рабочих и приписных крестьян Глушковской суконной мануфактуры и его подавлении силами Черниговского кирасирского полка в 1798 году (по фондам не только ГАКО, но и ЦГИА СССР) ⁸³.

*Павел Евменович Матвиевский — историк русской мануфактуры.
Фото с сайта «Оренбургский край. Люди. Даты. События. Памятники былого».*

Определённую ценность как источники «устной истории» представляли собой свидетельства курян о военных действиях и пятнадцатимесячной немецкой оккупации города и области, записанные по горячим следам несколькими курскими работниками органов власти и

⁸² Павел Евменович Матвиевский (1904–1987) — историк, кандидат исторических наук (1942). Родился на Полтавщине, в крестьянской семье. Окончив рабочую школу на родине, в городе Ромны (1921), учительствовал в семилетней школе там же. Затем окончил историко-филологический факультет Днепропетровского института народного образования (1927), аспирантуру там же (1931). Студентом подрабатывал в историко-археологическом музее Днепропетровска во главе с известным археологом Д.И. Яворницким. Помогал ему при археологическом обследовании территории Запорожской сечи перед её затоплением Днепрогэсом. В этом музее после окончания учёбы служил старшим научным сотрудником. В дальнейшем научный сотрудник Полтавского, затем Харьковского музеев (1931–1940). Наконец, доцент (1940), профессор (1966) Чкалинского (Оренбургского) педагогического института. Декан исторического факультета, проректор, заведующий кафедрой истории этого учебного заведения. Автор работ по мануфактурной промышленности России; по истории и культуре Оренбургского края.

⁸³ См.: Матвиевский П.Е. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск, 1949. 66 с.

культуры⁸⁴. Нет оснований сомневаться в большинстве таких свидетельств о муках и потерях среди мирного населения, зверствах фашистов, действиях советских партизан на курской земле. Однако далеко не вся правда об этих драматических страницах истории края могла быть тогда запечатлена и тем более опубликована (Что лишний раз подтверждают опубликованные по ходу Перестройки в областной периодике публикации из архивов НКВД–ФСБ за военный и послевоенный периоды).

Не слишком близкими даже к приемлемой для советской идеологии части исторических фактов получались в результате чрезмерной идеологизации краеведения публикации и о революционных свершениях курян. «Среди 56 губерний царской России Курская губерния с её богатыми плодородными землями была одной из наиболее отсталых, нищих и некультурных. ... На призывы Ленина и Сталина к рабочим и крестьянам готовиться к новым битвам, копить силы, строиться в боевые колонны под знамёна партии, трудящиеся Курской губернии ответили вступлением в ряды партии, в отряды Красной Гвардии, демонстрациями и резолюциями, в которых были сформулированы требования, выдвигаемые партией большевиков» — таким выглядел «Октябрь в Курской области» в изложении свежееиспечённого после войны «краеведа» Юрия Александрович Солнышко⁸⁵. «Всё это неправдивая неправда!», как заявила ведьминка Цирилла в замечательной саге Анджея Сапковского.

Даже в сборнике песенного фольклора губернии, составленного филологом уже советской подготовки — *Петром Ивановичем Бульбанюком*, экивоков идеологии большевизма хоть отбавляй. Всё-то ему слышится, будто кругом «песню звонкую, родную / Всею душой поют. / ... Своею песней прославляют / Курский край родной. / Ширь полей и хлеб высокий, / Труд колхозный свой / ... Эх ты, песня, моя песня / Как призывный звон / Мы октябрьской нашей доли / Не дадим в полон»⁸⁶.

Более или менее приемлемыми для познавательного чтения были, пожалуй, только маленькие брошюры о «знатных земляках», выпущенных в те годы областным книгоиздательством — путешественнике-коммерсанте Г.И. Шелихове, астрономе и метеорологе Ф.А. Семёнове, художнике В.Г. Шварце⁸⁷, некоторых других курянах — «деятелях науки, культуры и

⁸⁴ См.: Не забудем – не простим. Курск, [издание подпольной «Курской правды»], 1942; *Курдяев С.В.* Дни Отечественной войны в Курской области // Родной край. Курск, 1946.

⁸⁵ *Солнышко Ю.А.* Октябрь в Курской области. Курск, 1947. С. 3, 23.

⁸⁶ Курские народные песни / Сост. *П. Бульбанюк, П. Лебедев*. Курск, 1962. 235 с.

⁸⁷ См.: *Антимонов Н.А.* Курский астроном и метеоролог Ф.А. Семёнов. Курск, 1946. 32 с.; *Таранушенко С.* Вячеслав Григорьевич Шварц. Курск, 1946. 16 с.; Григорий Иванович Шелихов. Библиографическая памятка / Сост. *И.Г. Виденский*. Курск, 1952. 10 с.; *Его же.* Вячеслав Григорьевич Шварц (1838-1869). Библиографическая памятка. Курск, 1952. 6 с.; *Дмитрий Иванович Журавский* (1821–1891). Библиографическая памятка / Сост. *И.Г. Виденский*. Курск, 1952.

См. по краеведческой части также остальную продукцию курского облиздата за 1940 – 1950-е годы: *Глебов Л.Д.* Борьба большевиков за установление и упрочение

искусства». Их авторы — Иосиф Григорьевич Виденский ⁸⁸, Стефан Андреевич Таранушенко ⁸⁹, кандидат исторических наук Л.Д. Глебов, кое-кто ещё из провинциальных спичрайтеров той поры добросовестно компилировали сведения из дореволюционных публикаций о тех же персоналиях. Поблагодарим же сегодня их за это. Что из того, что всю эту курскую знаменитость в очередной раз живописали в угоду тогдашней кампании защиты русского приоритета во всём на свете и против «безродного космополитизма»? То содрогание сталинского дракона давным-

Советской власти в Курской губернии (март 1917 года – декабрь 1918 года). Курск, 1952. 175 с.; Куряне — герои Великой Отечественной войны. Курск. 1946; Куряне – выдающиеся деятели науки и техники / Сост. А. Адамов, А. Антимонов, Г. Зозулин и др. Курск, 1950. 160 с.; *Лохин П.И.* Развитие экономики и культуры Курска. Курск, 1957. 48 с.

⁸⁸ *Иосиф Григорьевич Виденский* (1921–2006) — библиограф, библиотекарь. Уроженец Курска. Воевал на Великой Отечественной войне. Большая часть его трудового стажа — 1949–1984 — отдана Курской областной библиотеке имени Н.А. Асеева, где он занимал должности библиографа, методиста, заведующего методическим отделом, заместителя директора по научной работе.

⁸⁹ *Таранушенко Стефан (Степан) Андреевич* (1889–1976) — украинский искусствовед, историк архитектуры. Сотрудник Курской картинной галереи в трудные предвоенные, военные и послевоенные годы. Из семьи мелкого торговца. Среднее образование получал, что называется, «на медные деньги» – окончил народное училище, затем гимназию (экстерном) (1910). Выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета (1916). Дипломная работа «Иконография украинского иконостаса» удостоена золотой медали. Работал сначала в Полтаве доцентом тамошнего историко-филологического института (1918). Затем в Харькове – адъюнкт-профессор (1920), профессор Харьковского института искусств; профессор Харьковского художественного института (1924–1929); директор музея украинского искусства (1920–1933); руководитель харьковской инспекции по охране памятников истории и культуры (с 1926). Организатор и участник нескольких экспедиций по изучению памятников древней архитектуры: в Грузии (1917), на Харьковщине (1920–1922, Полтавщине (1923), Киевщине (1924), Черниговщине и Полтавщине (1926), Слобожанщине, куда примыкали и курские земли (1927), Сумщине (1928–1929), Каменеччине (1930), в Полесье (1931), снова на Черниговщине (1932), в Донбассе (1933). В ходе этих экспедиций был собран ценный материал по обмерам и фотофиксации церковного и гражданского зодчества; бытовой культуре населения; собраны коллекции декоративно-прикладного искусства. Книга «Покровский собор в Харькове» (1923) была защищена С.А. Таранушенко в качестве кандидатской диссертации. В 1933 г. был осуждён по делу «украинских националистов» на 5 лет концлагеря. Ему приписывали руководство харьковским филиалом мифического «российско-украинского фашистского блока» (реабилитация пришла к нему только в 1958). Наказание отбывал на строительстве Байкало-Амурской железной дороги в районе Читы. После освобождения в 1936 году преподавал биологию на рабфаке при Камской ГЭС. С 1938 года жил и работал в Курске — старшим научным сотрудником картинной галереи. Остался в городе на период немецкой оккупации, продолжая работать в картинной галерее. Сохранил большинство её экспонатов от расхищения оккупантами. После войны организовал в восстановленной галерее ряд художественных выставок. Публиковал статьи об искусстве в областных газетах. Автор изданной в Курске книжки о художнике В.Г. Шварце. В 1953 году вернулся на Украину. Жил в Киеве, до выхода на пенсию трудился в Академии строительства и архитектуры УССР.

давно провалилось в анналы отечественной истории, а знаменитые земляки ими и были, и остались.

Даже краеведческий (по названию) музей области за все послевоенные годы почти ничего не делал для того, чтобы продолжить исследования регионального прошлого. Экскурсионно-просветительская работа велась его сотрудниками постоянно, но по одним и тем же методическим стандартам, в свою очередь, донельзя идеологизированным и примитивным. После В.И. Самсонова и кроме внештатного сотрудника Ю.А. Липкинга новых авторов-краеведов среди музейщиков долго не появлялось.

Таким образом, в историческом краеведении Курской области после войны наступила затяжная пауза.

* * *

«Краеведы были в восторге. Разных крынок и прялок они собрали уже великое множество. А теперь... Теперь им попало нечто выдающееся. Волчий приёмшиш... Наконец-то что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмшише можно даже в газету написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные! ... Муфта понял, что краеведам невозможно что-либо объяснить. ... Краеведы заинтересованы в открытии чего-то необычайного, и теперь они считали: такое открытие было ими сделано».

*Эно Рауд.
Муфта, Полботинка
и Моховая Борода.*

Рассмотрение курских образцов пред- и послевоенного состояния работы с региональными древностями в СССР приводит к противоречивым оценкам. Государственное обеспечение академической науки, пусть и не слишком щедрое, вполне гарантировало устойчивое проведение разведок и раскопок на территории области, камеральную обработку, музеефикацию (хранение и экспозиционирование), издание в свет добываемых ими материалов. Однако занимались всем этим почти исключительно специалисты из крупных университетских и академических центров (на европейской части СССР — прежде всего Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова). На изучении региональных памятников старины выросли новые поколения замечательных и даже выдающихся учёных-гуманитариев. Они наладили сплошное систематическое обследование территории Курской и сопредельных с ней областей и наконец собрали довольно полный материал для составления свода археологических памятников первоначальных периодов краевой истории — от эпохи камня до эпохи позднего Средневековья. Местные археологические материалы вошли в общенаучный оборот, получили всесоюзную и международную известность.

Гораздо более спорадически, но велась и этнографическая работа — по сбору сведений и образцов «живой старины» среди южно-русского крестьянства. Часть вещевых коллекций старинных одежд, утвари попадала в

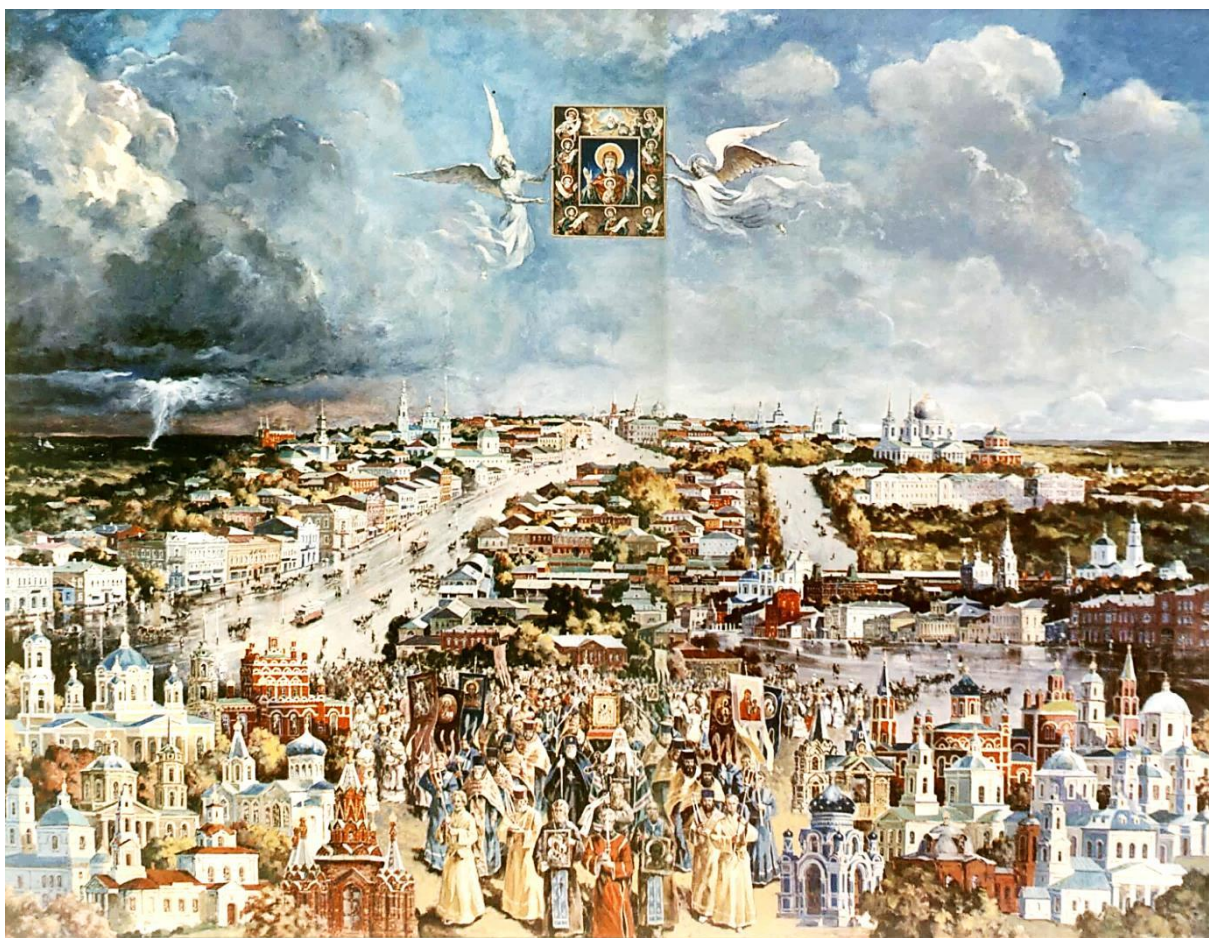
краеведческие музеи, а сводную интерпретацию этого материала оставалась на долю опять-таки столичных специалистов⁹⁰. В провинциальной глубинке и город, и (несколько медленнее) деревня меняли своё «этнографическое лицо» по ходу послевоенного строительства и влияния назревавшей даже в СССР научно-технической революции. К сожалению, повысить внимание учёных и общественности к ещё быстрее исчезающим под натиском НТР и «общества массового потребления» памятникам истории и культуры в советской провинции не удалось.

Столичных специалистов-археологов и этнографов насчитывалось маловато для столь обширного поля работ, а в самих областных, тем более районных центрах им находилось немного помощников, причём в своём большинстве годных лишь на сугубо исполнительские, вспомогательные роли. Региональные группы (перераставшие в научные школы) знатоков и хранителей памятников старины, наметившиеся в 1910–1920-е годы, в дальнейшем по сути прекратили своё существование. Отдельные специалисты-гуманитарии из музеев, средних и высших школ, кое-что полезное делали для сбережения и пропаганды исторических древностей, но нового слова в их познании сказать не могли. Организации краеведов если и существовали, то только номинально, на бумаге для отчётов по инстанциям партийного агитпропа. Почти вся печатная продукция этого последнего носила выхолощенный идеологической цензурой, утрированно социологический характер. В неистребимой, как видно, когорте энтузиастов местной старины преобладающей стала фигура коллекционера случайных находок, малообразованного и никак не связанного с учреждениями науки и культуры. Одни из собранных ими коллекций, подчас весьма ценных в историко-культурном отношении, попали на хранение в государственные музеи, другие после кончины их владельцев утратились для науки. Типичный вплоть до конца 1920-х годов образ краеведа-эрудита, получившего европейского уровня гуманитарное образование, тесно взаимодействующего с представителями и органами профессиональной науки, с рассмотренных в главе пор отходил в прошлое, и было похоже, что безвозвратно для российской культуры.

⁹⁰ См. следующие, обобщающие отдельные этнографические наблюдения и вещевые сборы до- и послевоенных лет, исследования: *Багновская Н.М.* Севрюки. Население Северской земли в XIV–XVI вв. Депонировано в ИНИОН АН СССР № 2640 от 4.10.1978 года; *Её же.* Сложные вопросы этнической истории летописной северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII (С древнейших времён до 1861 г.). М., 1979; *Её же.* Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1979; *Её же.* Севрюки (Население Северской земли в XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1980. № 1; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционнo-бытовой культуры. М., 1988; *Её же.* Этнокультурная история южнорусского населения // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.

Отдельные сюжеты исторического краеведения получили дальнейшую разработку благодаря преподавателям высших школ, открывавшихся или возобновлявшихся после Отечественной войны в областных центрах вроде Курска. Тематика таких вузовских исследований, в идеологическом духе того времени, тяготела к проблемам социально-экономического и классово-партийного круга. Тем самым советский образ истории и культуры края получался далеко не полным и даже утрированным в только что отмеченном плане. Застойные в теоретическом и практическом аспектах черты возобладали в работе краеведческого музея и прочих учреждений областной культуры. Находящиеся в районах области памятники старины ветшали и разрушались. Экспозиционно-экскурсионная работа велась по шаблонам, не менявшимся все послевоенные десятилетия.

Таким образом, изучение провинциальных древностей как часть политики в области науки и культуры, историческое краеведение как общественное явление разделили общую участь страны и её регионов в период посттоталитарного, авторитарного состояния советского государства и общества.

*Картина Владимира Васильевича Парашечкина (1941–2012) «Сны о Курске»,
размещённая на сайте «Курск дореволюционный» В.В. Ветчинова.*